

Билингва

Смерть на Ниле

Агата Кристи

Москва
2022

To
SYBIL BURNETT
who also loves wandering about the world

Part one

ENGLAND

Chapter 1

‘**L**innet Ridgeway!’
‘That’s *Her!*’ said Mr Burnaby, the landlord of the Three Crowns. He nudged his companion. The two men stared with round bucolic eyes and slightly open mouths. A big scarlet Rolls-Royce had just stopped in front of the local post office. A girl jumped out, a girl without a hat and wearing a frock that looked (but only *looked*) simple. A girl with golden hair and straight autocratic features — a girl with a lovely shape — a girl such as was seldom seen in Malton-under-Wode.

With a quick imperative step she passed into the post office.

‘That’s her!’ said Mr Burnaby again. And he went on in a low awed voice: ‘Millions she’s got... Going to spend thousands on the place. Swimming-pools there’s going to be, and Italian gardens and a ballroom and half of the house pulled down and rebuilt...’

*Сибил Барнетт,
которая не меньше меня любит
путешествовать по всему свету*

Часть I

АНГЛИЯ

Глава 1

— **Л**инит Риджуэй!
— Это она! — сказал мистер Барнэби, хозяин «Трех корон». И толкнул локтем соседа. Приоткрыв рты, оба выкатили буколические глаза. Перед почтовым отделением стал большой ярко-красный «Роллс-Ройс». Из него выпрыгнула девица — без шляпки и в простеньком (*обманчиво* простеньком) платьице; златовласая девица с властным лицом, с прелестной фигурой — словом, редкая птица тут, в Молтон-андер-Вуде.

Она быстрым, уверенным шагом прошла в здание почты.

— Она, — повторил мистер Барнэби и, понизив голос, трепетно продолжал: — У нее миллионы... Собирается потратить тысячи на усадьбу. Бассейны устроить, итальянские сады с бальным залом, полдома порушить и перестроить...

‘She’ll bring money into the town,’ said his friend. He was a lean, seedy-looking man. His tone was envious and grudging.

Mr Burnaby agreed.

‘Yes, it’s a great thing for Malton-under-Wode. A great thing it is.’ Mr Burnaby was complacent about it. ‘Wake us all up proper,’ he added.

‘Bit of difference from Sir George,’ said the other.

‘Ah, it was the ’orses did for him,’ said Mr Burnaby indulgently. ‘Never ’ad no luck.’

‘What did he get for the place?’

‘A cool sixty thousand, so I’ve heard.’

The lean man whistled.

Mr Burnaby went on triumphantly:

‘And they say she’ll have spent another sixty thousand before she’s finished!’

‘Wicked!’ said the lean man. ‘Where’d she *get* all that money from?’

‘America, so I’ve heard. Her mother was the only daughter of one of those millionaire blokes. Quite like the pictures, isn’t it?’

The girl came out of the post office and climbed into the car. As she drove off, the lean man followed her with his eyes.

He muttered:

‘It seems all wrong to me — her looking like that. Money *and* looks — it’s too much! If a girl’s as rich as that she’s no right to be a good-looker as well. And she *is* a good-looker ... Got everything, that girl has. Doesn’t seem fair ...’

— Потекут в город денежки, — сказал его худой, болезненного вида приятель. Сказал завистливым, вредным тоном.

Мистер Барнэби согласился:

— Подфартило Молтон-андер-Вуду. Подфартило. — Мистер Барнэби ликовал. — От спячки наконец пробудимся, — добавил он.

— Не то что при сэре Джордже, — сказал второй.

— Да, тому, кроме лошадей, ничего не надо было, — снисходительно сказал мистер Барнэби. — Вот и дошел до ручки.

— Сколько он получил за усадьбу?

— Шестьдесят тысяч, я слышал, так-то.

Худой присвистнул.

— И говорят, еще шестьдесят, — продолжал радоваться мистер Барнэби, — она потратит на обустройство.

— Черт-те что, — сказал худой. — Откуда у нее эти деньжищи?

— Из Америки, я слышал. Мать была единственной дочкой у тамошнего миллионера. Прямо кино, правда?

Девица вышла из почты и села в автомобиль. Худой проводил взглядом отъехавшую машину.

— Неправильно это, — пробормотал он себе под нос, — чтобы она еще так выглядела. Это слишком — иметь деньги и такую внешность. Если девушке привалило богатство, то какое же она имеет право быть еще и красоткой? А она — красотка... Все при ней. Нечестно...

Chapter 2

Extract from the social column of the *Daily Bague*.

Among those supping at Chez Ma Tante I noticed beautiful Linnet Ridgeway. She was with the Hon. Joanna Southwood, Lord Windlesham and Mr Toby Bryce. Miss Ridgeway, as everyone knows, is the daughter of Melhuish Ridgeway who married Anna Hartz. She inherits from her grandfather, Leopold Hartz, an immense fortune. The lovely Linnet is the sensation of the moment and it is rumoured that an engagement may be announced shortly. Certainly Lord Windlesham seemed very *épris*!

Chapter 3

The Hon. Joanna Southwood said:

‘Darling, I think it’s going to be all perfectly *marvellous!*’

She was sitting in Linnet Ridgeway’s bedroom at Wode Hall. From the window the eye passed over the gardens to open country with blue shadows of woodlands.

‘It ’s rather perfect, isn’t it?’ said Linnet.

She leaned her arms on the window sill. Her face was eager, alive, dynamic. Beside her, Joanna Southwood seemed, somehow, a little dim — a tall thin young woman of twenty-seven, with a long clever face and freakishly plucked eyebrows.

Глава 2

Отрывок из светской хроники во «Всякой всячине»:

«Среди ужинавших в ресторане «У тетушки» мое внимание привлекла красавица Линит Риджуэй. С ней были достопочтенная Джоанна Саутвуд, лорд Уиндлизем и мистер Тоби Брайс. Общеизвестно, что мисс Риджуэй является единственной дочерью Мелиша Риджуэя, мужа Анны Хатс. От своего деда, Леопольда Хатса, она наследует огромное состояние. Сейчас прелестная Линит в центре внимания, и поговаривают, что в скором времени может быть объявлено о помолвке. Разумеется, лорд Уиндлизем казался весьма *épris!*¹»

Глава 3

Достопочтенная Джоанна Саутвуд сказала:

— Дорогая, по-моему, все получится совершенно изумительно.

Она сидела в спальне Линит Риджуэй в Вуд-Холле. За окнами взгляд, миновав парк, уходил в поля с сизой каймой леса.

— Прелестно тут, правда? — сказала Линит.

Она стояла, опершись руками в подоконник. Лицо горело энергией, нетерпением. Рядом с ней высокая и тонкая двадцатисемилетняя Джоанна Саутвуд с продолговатым умным лицом и капризно выщипанными бровями смотрелась тускло.

¹ Влюбленным (*фр.*).

‘And you’ve done so much in the time! Did you have lots of architects and things?’

‘Three.’

‘What are architects like? I don’t think I’ve ever seen any.’

‘They were all right. I found them rather unpractical sometimes.’

‘Darling, you soon put *that* right! You are the *most* practical creature!’ Joanna picked up a string of pearls from the dressing table. ‘I suppose these are real, aren’t they, Linnet?’

‘Of course.’

‘I know it’s “of course” to you, my sweet, but it wouldn’t be to most people. Heavily cultured or even Woolworth! Darling, they really are *incredible*, so exquisitely matched. They must be worth the *most* fabulous sums!’

‘Rather vulgar, you think?’

‘No, not at all — just pure beauty. What *are* they worth?’

‘About fifty thousand.’

‘What a lovely lot of money! Aren’t you afraid of having them stolen?’

‘No, I always wear them — and anyway they’re insured.’

‘Let me wear them till dinnertime, will you, darling? It would give me such a thrill.’

Linnet laughed.

‘Of course, if you like.’

— Сколько же ты успела сделать! У тебя было много архитекторов или кого там еще?

— Трое.

— А какие они — архитекторы? Никогда с ними не сталкивалась.

— Славные люди. Иногда, правда, довольно непрактичные.

— Ну, это ты быстро поправишь. Ты очень практичный человек, дорогая. — Джоанна взяла с туалетного столика нитку жемчуга. — Это ведь настоящий жемчуг, да?

— Конечно.

— Для тебя — «конечно», моя радость, но большинство людей сочтут его либо старательной подделкой, либо даже дешевкой из «Вулвортс»¹. Совершенно *неправдоподобный* жемчуг, дорогая, изумительно подобран. Эта нитка должна стоять сказочно дорого.

— Ты находишь, она вульгарна?

— Отнюдь нет! В чистом виде красота. Сколько же это стоит?

— Около пятидесяти тысяч.

— Кругленькая сумма! Ты не боишься, что твой жемчуг украдут?

— Нет, я его всегда ношу, а кроме того, он застрахован.

— Слушай, дай поносить до обеда. Дай порадоваться жизни.

Линит рассмеялась:

— Носи, если хочешь.

¹ «Вулвортс» — универмаги американской компании «Ф.У. Вулворт», имеющей филиалы в Англии.

‘You know, Linnet, I really do envy you. You’ve simply got *everything*. Here you are at twenty, your own mistress, with any amount of money, looks, superb health. You’ve even got *brains!* When are you twenty-one?’

‘Next June. I shall have a grand coming-of-age party in London.’

‘And then are you going to marry Charles Windlesham? All the dreadful little gossip writers are getting so excited about it. And he really is frightfully devoted.’

Linnet shrugged her shoulders.

‘I don’t know. I don’t really want to marry anyone yet.’

‘Darling, how right you are! It’s never quite the same afterwards, is it?’

The telephone shrilled and Linnet went to it.

‘Yes? Yes?’

The butler’s voice answered her.

‘Miss de Bellefort is on the line. Shall I put her through?’

‘Bellefort? Oh, of course, yes, put her through.’

A click and a voice, an eager, soft, slightly breathless voice.

‘Hullo, is that Miss Ridgeway? *Linnet!*’

‘*Jackie darling!* I haven’t heard anything of you for ages and *ages!*’

‘I know. It’s awful. Linnet, I want to see you terribly.’

‘Darling, can’t you come down here? My new toy. I’d love to show it to you.’

— Как я тебе завидую, Линит! Тебе только птичьего молока не хватает. В двадцать лет ты сама себе хозяйка, денег не считаешь, красавица, на здоровье не жалуешься. И вдобавок *умница!* Когда тебе будет двадцать один?

— В июне. Я устрою в Лондоне грандиозный прием в честь совершеннолетия.

— Кстати, ты выходишь за Чарлза Уиндлизема? Пресловутая светская хроника спит и видит поженить вас. А как жутко он тебе предан!

Линит пожала плечами:

— Не знаю. Мне пока совсем не хочется замуж.

— И правильно, дорогая! От добра добра не ищут.

Пронзительно зазвонил телефон, Линит подошла.

— Да? Да?

Ответил голос дворецкого:

— Звонит мисс де Бельфор. Вас соединить с ней?

— Бельфор? Да, конечно, соединяйте.

В трубке щелкнуло, и напористо, сбиваясь с дыхания, заговорил мягкий голос:

— Алло, это мисс Риджуэй? Линит!

— Джеки, дорогая! Я не слышала тебя целую вечность!

— Я знаю. Ужас! Мне страшно нужно увидеть тебя, Линит.

— А что бы тебе не приехать сюда? У меня новая игрушка. Очень хочется показать тебе.

‘That’s just what I want to do.’

‘Well, jump into a train or a car.’

‘Right, I will. A frightfully dilapidated two-seater. I bought it for fifteen pounds, and some days it goes beautifully. But it has moods. If I haven’t arrived by tea-time you’ll know it’s had a mood. So long, my sweet.’

Linnet replaced the receiver. She crossed back to Joanna.

‘That’s my oldest friend, Jacqueline de Bellefort. We were together at a convent in Paris. She’s had the most terribly bad luck. Her father was a French Count, her mother was American — a Southerner. The father went off with some woman, and her mother lost all her money in the Wall Street crash. Jackie was left absolutely broke. I don’t know how she’s managed to get along the last two years.’

Joanna was polishing her deep blood-coloured nails with her friend’s nail pad. She leant back with her head on one side scrutinizing the effect.

‘Darling,’ she drawled, ‘won’t that be rather *tiresome*? If any misfortunes happen to my friends I always drop them *at once!* It sounds heartless, but it saves such a lot of trouble later! They always want to borrow money off you, or else they start a dressmaking business and you have to get the most terrible clothes from them. Or they paint lampshades, or do batik scarves.’

— Я как раз хочу приехать.

— Так садись скорее на поезд или в машину.

— Я так и сделаю. У меня двухместная развалина. Я купила ее за пятнадцать фунтов, и время от времени она прилично бегаёт. А иногда дурит. Если я не приеду к чаю, значит, она задурила. Пока, моя радость.

Линит положила трубку и вернулась к Джоанне.

— Это моя старинная подружка — Жаклин де Бельфор. Мы обе были воспитанницами в одном парижском монастыре. Ей жутко не повезло. Ее отец был французским графом, а мать — американкой из южных штатов. Отец ушел к другой женщине, мать потеряла все деньги в уолл-стритском¹ крахе. Джеки осталась буквально ни с чем. Не представляю, как она прожила эти два года.

Джоанна полировала кроваво-красные ногти подушечкой из набора своей подруги. Клоня набок откинутую голову, она придирчиво разглядывала достигнутый результат.

— Дорогая, — протянула она, — а это не будет тебе в тягость? Если у моих друзей случаются неприятности, я *сразу* порываю с ними. Пусть это звучит жестоко, зато потом никаких забот. Они все время норовят занять денег либо определяются в белوشвейки, а ты носи их жуткие платья. Или еще: расписывают абажуры, тачают батиковые кашне.

¹ Уолл-стрит — улица в Нью-Йорке, на которой расположены здания фондовой биржи и многих банков; символ финансовой олигархии США.

‘So, if I lost all my money, you’d drop me tomorrow?’

‘Yes, darling, I would. You can’t say I’m not honest about it! I only like successful people. And you’ll find that’s true of nearly everybody — only most people won’t admit it. They just say that really they “can’t put up with Mary or Emily or Pamela any more! Her troubles have made her so *bitter* and peculiar, poor dear!” ’

‘How beastly you are, Joanna!’

‘I’m only on the make, like everyone else.’

‘*I’m* not on the make!’

‘For obvious reasons! You don’t have to be sordid when good-looking, middle-aged American trustees pay you over a vast allowance every quarter.’

‘And you’re wrong about Jacqueline,’ said Linnet. ‘She’s not a sponge. I’ve wanted to help her, but she won’t let me. She’s as proud as the devil.’

‘What’s she in such a hurry to see you for? I’ll bet she wants something! You just wait and see.’

‘She sounded excited about something,’ admitted Linnet. ‘Jackie always did get frightfully worked up over things. She once stuck a penknife into someone!’

‘Darling, how thrilling!’

‘A boy who was teasing a dog. Jackie tried to get him to stop. He wouldn’t. She pulled him and shook him but he was much stronger than she was, and at last she whipped out a penknife and plunged it right into him. There was the *most* awful row!’

‘I should think so. It sounds most uncomfortable!’

— Потеряй я все свои деньги, ты завтра же порвешь со мной?

— Всенепременно, дорогая. И ты не назовешь меня лицемеркой. Я люблю только везучих людей. Ты еще убедишься, что я совсем не исключение, — просто-напросто большинство боится в этом признаться. Они скажут, что стало невозможно переносить Мэри, Эмили или Памелу: невзгоды совсем ожесточили бедняжку, она теперь такая странная!

— Какая же ты противная, Джоанна!

— Просто я устраиваюсь в жизни — как все.

— Я, например, не устраиваюсь.

— Понятное дело! Тебе ли жаться, если каждый квартал симпатичные, средних лет американские опекуны выплачивают тебе роскошное содержание.

— А насчет Жаклин ты ошибаешься, — сказала Линит. — Она не попрошайка. Я хотела ей помочь — так она не дала. В ней гордости до черта.

— А что это она так спешит повидаться? Держу пари, ей что-нибудь нужно от тебя. Сама увидишь.

— Она в самом деле чем-то возбуждена, — признала Линит. — Джеки всегда страшно горячо все воспринимала. Однажды она пырнула одного перочинным ножом.

— Боже, какой страх!

— Мальчишка мучил собаку. Джеки пыталась остановить его. Тот не слушался. Она цеплялась за него, тормозила, но он был сильнее, и тогда она выхватила ножик и вонзила в него. Был кошмарный скандал.

— Я думаю! Дико представить себе такое.

Linnet's maid entered the room. With a murmured word of apology, she took down a dress from the wardrobe and went out of the room with it.

'What's the matter with Marie?' asked Joanna. 'She's been crying.'

'Poor thing! You know I told you she wanted to marry a man who has a job in Egypt. She didn't know much about him, so I thought I'd better make sure he was all right. It turned out that he had a wife already — and three children.'

'What a lot of enemies you must make, Linnet.'

'Enemies?' Linnet looked surprised.

Joanna nodded and helped herself to a cigarette.

'Enemies, my sweet. You're so devastatingly efficient. And you're so frightfully good at doing the right thing.'

Linnet laughed.

'Why, I haven't got an enemy in the world.'

Chapter 4

Lord Windlesham sat under the cedar tree. His eyes rested on the graceful proportions of Wode Hall. There was nothing to mar its old-world beauty; the new buildings and additions were out of sight round the corner. It was a fair and peaceful sight bathed in the autumn sunshine. Nevertheless, as he gazed, it was no longer Wode Hall that Charles Windlesham saw. Instead, he seemed to see a more imposing Elizabethan mansion, a long sweep of park, a bleaker background ... It was his own family seat, Charltonbury, and in the foreground stood a figure — a girl's

В комнату вошла горничная Линит. Пробормотав извинения, она взяла из шкафа платье и вышла.

— Что случилось с Мари? — спросила Джоанна. — У нее глаза на мокром месте.

— Жалко ее. Ты помнишь, я говорила, она собирается замуж за человека, который работает в Египте? Она мало знала о нем, и я подумала: надо проверить, какой он человек. Выяснилось, что у него уже есть жена и трое детей в придачу.

— Сколько же врагов ты наживаешь себе, Линит! — Врагов? — Линит удивилась.

Джоанна кивнула и взяла сигарету.

— Именно врагов, моя радость. Тебя на все хватает, и, что нужно, ты делаешь до ужаса правильно.

Линит рассмеялась:

— У меня нет ни единого врага в целом мире!

Глава 4

Лорд Уиндлизем сидел под кедром. Приятные пропорции Вуд-Холла радовали глаз. Ничто не портило его старозаветную красоту — новейшие постройки и пристройки укрылись за домом. А перед глазами был красивый и мирный пейзаж, залитый осенним солнцем. Но не Вуд-Холл видел Чарлз Уиндлизем: перед его мысленным взором стояли куда более внушительный елизаветинский дворец, раскинувшийся парк, сумрачно-новатое окружение... То было его родовое гнездо, Чарлтонбери, с фигурой на переднем плане — зла-

figure, with bright golden hair and an eager confident face ... Linnet as mistress of Charltonbury!

He felt very hopeful. That refusal of hers had not been at all a definite refusal. It had been little more than a plea for time. Well, he could afford to wait a little...

How amazingly suitable the whole thing was. It was certainly advisable that he should marry money, but not such a matter of necessity that he could regard himself as forced to put his own feelings on one side. And he loved Linnet. He would have wanted to marry her even if she had been practically penniless, instead of one of the richest girls in England. Only, fortunately, she *was* one of the richest girls in England...

His mind played with attractive plans for the future. The Mastership of the Roxdale perhaps, the restoration of the west wing, no need to let the Scotch shooting...

Charles Windlesham dreamed in the sun.

Chapter 5

It was four o'clock when the dilapidated little two-seater stopped with a sound of crunching gravel. A girl got out of it — a small slender creature with a mop of dark hair. She ran up the steps and tugged at the bell.

A few minutes later she was being ushered into the long stately drawing room, and an ecclesiastical butler was saying with the proper mournful intonation:

товласой, смотревшей смело и уверенно... Линит, хозяйка Чарлтонбери!

Он был преисполнен надежды. Тот ее отказ, строго говоря, не был отказом — скорее это была просьба об отсрочке. Ладно, он еще может подождать...

На редкость удачно все складывалось. Конечно, весьма желательно жениться на деньгах, хотя не до такой степени необходимо, чтобы поступаться при этом чувствами. А он вдобавок любит Линит. Он бы искал ее руки, будь она даже нищенкой, а не одной из богатейших невест в Англии. К счастью, она как раз из богатейших невест...

Он потешил себя планами на будущее. Может, подиректорствовать в Роксдейле, реставрировать западное крыло, не пускать больше шотландскую охоту¹ — нет надобности...

Чарлз Уиндлизем задремал на солнышке.

Глава 5

В четыре часа, хрустя гравием, подъехал выдавший виды двухместный автомобиль-малютка. Из него выпрыгнуло хрупкое создание с копной темных волос. Девушка взбежала по ступенькам и позвонила в дверь.

Через несколько минут ее провели в просторную строгую гостиную, и пасторского вида дворецкий печально возгласил:

¹ Пешая охота с шотландскими борзыми (дирхаундами).

‘Miss de Bellefort.’

‘Linnet!’

‘Jackie!’

Windlesham stood a little aside, watching sympathetically as this fiery little creature flung herself open-armed upon Linnet.

‘Lord Windlesham — Miss de Bellefort — my best friend.’

A pretty child, he thought — not really pretty but decidedly attractive with her dark curly hair and her enormous eyes. He murmured a few tactful nothings and then managed unobtrusively to leave the two friends together.

Jacqueline pounced — in a fashion that Linnet remembered as being characteristic of her.

‘Windlesham? Windlesham? *That’s* the man the papers always say you’re going to marry! Are you, Linnet? *Are* you?’

Linnet murmured:

‘Perhaps.’

‘Darling — I’m so glad! He looks nice.’

‘Oh, don’t make up your mind about it — I haven’t made up my own mind yet.’

‘Of course not! Queens always proceed with due deliberation to the choosing of a consort!’

‘Don’t be ridiculous, Jackie.’

‘But you *are* a queen, Linnet! You always were. *Sa Majesté, la reine Linette. Linette la blonde!* And I — I’m the Queen’s confidante! The trusted Maid of Honour.’

— Мисс де Бельфор!

— Линит!

— Джеки!

Стоявший поодаль Уиндлизем благосклонно взирал на темпераментную крошку, заключившую Линит в свои объятия.

— Лорд Уиндлизем — мисс де Бельфор, моя ближайшая подруга.

«Милашка, — думал тот, — не красавица, но определенно привлекательная — эти темные кудри, огромные глаза». Промычав что-то из приличия, он предупредительно вышел, оставив подруг вдвоем.

Жаклин, как это водилось за ней, не преминула посудачить:

— Уиндлизем? Да ведь это его все газеты прочт тебе в мужья! А ты правда выходишь за него, Линит?

— Может быть, — обронила Линит.

— Дорогая, как я рада! Он такой милый.

— Не настраивайся, я еще ничего не решила.

— Разумеется! Королевам полагается быть осмотрительными в выборе супруга.

— Не смехи меня, Джеки.

— Но ты в самом деле королева, Линит, и всегда была королевой! *Sa Majesté, la reine Linitte. Linitte la blonde!*¹ А я твоя наперсница. Особо приближенная фрейлина.

¹ Ее величество королева, Линит златокудрая! (фр.)

‘What nonsense you talk, Jackie darling! Where have you been all this time? You just disappear. And you never write.’

‘I hate writing letters. Where have I been? Oh, about three parts submerged, darling. In JOBS, you know. Grim jobs with grim women!’

‘Darling, I wish you’d—’

‘Take the Queen’s bounty? Well, frankly, darling, that’s what I’m here for. No, not to borrow money. It’s not got to that yet! But I’ve come to ask a great big important favour!’

‘Go on.’

‘If you’re going to marry the Windlesham man, you’ll understand, perhaps.’

Linnet looked puzzled for a minute, then her face cleared.

‘Jackie, do you mean—?’

‘Yes, darling, *I’m engaged!*’

‘So that’s it! I thought you were looking particularly alive somehow. You always do, of course, but even more than usual.’

‘That’s just what I feel like.’

‘Tell me all about him.’

‘His name’s Simon Doyle. He’s big and square and incredibly simple and boyish and utterly adorable! He’s poor — got no money. He’s what you call “county” all right — but very impoverished county — a younger son and all that. His people come from Devonshire. He loves the country and country things. And for the last five years he’s been in the City in a stuffy office. And now they’re cutting down

— Какую чушь ты несешь, Джеки! А где ты вообще пропадала? Как в воду канула, ни строчки не написала.

— Я терпеть не могу писать письма. Где пропадала? Пускала пузыри. Работа! Скучная работа, скучные товарки.

— Дорогая, я хочу, чтобы ты...

— Приняла королевское пособие?¹ Честно говоря, я за этим и приехала. Нет-нет, не за деньгами! До этого пока не дошло. Я приехала просить о важной-преважной услуге.

— Выкладывай.

— Если ты собираешься выходить за своего Уиндлизема, ты, может быть, поймешь меня.

Линит приняла озадаченный вид; потом лицо ее прояснилось.

— Ты хочешь сказать, что...

— Правильно, дорогая! *Я помолвлена.*

— Вот оно что! То-то, я смотрю, тебя как подменили. Ты всегда живчик, но сегодня — особенно.

— Такое у меня настроение.

— Расскажи про него.

— Его зовут Саймон Дойл. Он такой большой, плечистый и невероятно простой, совсем дитя малое, невозможная прелесть! Он бедный, совсем без денег. Но, по-вашему, он еще тот дворянин — из обедневших, правда, да еще младший сын, и все такое. Их корни в Девоншире. Он любит провинцию и все деревенское. А сам последние пять лет

¹ Ирония этого вопроса в том, что «королевское пособие» полагается матери, родившей троих и более близнецов.

and he's out of a job. Linnet, I shall *die* if I can't marry him! I shall die! I shall die! I shall *die..!*'

'Don't be ridiculous, Jackie.'

'I shall die, I tell you! I'm crazy about him. He's crazy about me. We can't live without each other.'

'Darling, you *have* got it badly!'

'I know. It's awful, isn't it? This love business gets hold of you and you can't do anything about it.'

She paused for a minute. Her dark eyes dilated, looked suddenly tragic. She gave a little shiver.

'It's — even frightening sometimes! Simon and I were made for each other. I shall never care for anyone else. And *you've* got to help us, Linnet. I heard you'd bought this place and it put an idea into my head. Listen, you'll have to have a land agent — perhaps two. I want you to give the job to Simon.'

'Oh!' Linnet was startled.

Jacqueline rushed on.

'He's got all that sort of thing at his fingertips. He knows all about estates — was brought up on one. And he's got his business training too. Oh, Linnet, you will give him a job, won't you, for love of me? If he doesn't make good, sack him. But he will. And we can live in a little house and I shall see lots of you and everything in the garden will be too, too divine.' She got up. 'Say you will, Linnet. Say you will. Beautiful Linnet! Tall golden Linnet! My own very special Linnet! Say you will!'

'Jackie—'

'You will?'

сидит в городе, в душной конторе. Сейчас там сокращение, он без работы. Линит, я *умру*, если не выйду за него замуж! Умру! Умру...

— Не говори глупостей, Джеки.

— Говорю тебе: умру! Я без ума от него. А он — от меня. Мы не можем друг без друга.

— Дорогая, ты просто не в себе.

— Я знаю. Страшно, правда? Когда тебя одолевает любовь, с ней уже не справиться.

Она смолкла. Ее широко раскрывшиеся темные глаза обрели трагическое выражение. Она передернула плечами.

— Иногда просто страшно делается! Мы с Саймоном созданы друг для друга. Мне никто больше не нужен. Ты *должна* помочь нам, Линит. Я узнала, что ты купила это поместье, и вот что подумала: ведь тебе понадобится управляющий — и, может, даже не один. Возьми на это место Саймона.

— Как? — поразилась Линит.

— Он собаку съел на этом деле, — зачастила Жаклин. — Все знает про поместья — сам вырос в таких условиях. Да еще специально учился. Ну, Линит, ну, из любви ко мне — дай ему работу, а? Если он не справится — уволишь. А он справится! Мы себе будем жить в какой-нибудь сторожке, я буду постоянно видеть тебя, а в твоём парке станет просто божественно красиво. — Она встала. — Скажи, что ты его берешь, Линит. Красивая, золотая Линит! Бесценное мое сокровище! Скажи, что ты его берешь!

— Джеки...

— Берешь?..

Linnet burst out laughing.

‘Ridiculous Jackie! Bring along your young man and let me have a look at him and we’ll talk it over.’

Jackie darted at her, kissing her exuberantly.

‘*Darling Linnet* — you’re a real friend! I knew you were. You wouldn’t let me down — ever. You’re just the loveliest thing in the world. Goodbye.’

‘But, Jackie, you’re *staying*.’

‘Me? No, I’m not. I’m going back to London and tomorrow I’ll come back and bring Simon and we’ll settle it all up. You’ll adore him. He really is a *pet*.’

‘But can’t you wait and just have tea?’

‘No, I can’t wait, Linnet. I’m too excited. I must get back and tell Simon. I know I’m mad, darling, but I can’t help it. Marriage will cure me, I expect. It always seems to have a very sobering effect on people.’ She turned at the door, stood a moment, then rushed back for a last quick birdlike embrace. ‘Dear Linnet — there’s no one like you.’

Chapter 6

M. Gaston Blondin, the proprietor of that modish little restaurant *Chez Ma Tante*, was not a man who delighted to honour many of his clientele. The rich, the beautiful, the notorious and the well-born might wait in vain to be singled out and paid special attention. Only in the rarest cases did M. Blondin, with gracious condescension, greet a guest, accompany him to a privileged table, and exchange with him suitable and apposite remarks.

Линит рассмеялась:

— Смешная ты, Джеки! Вези сюда своего кавалера, дай на него посмотреть — тогда все и обсудим.

Джеки набросилась на нее с поцелуями.

— Дорогая ты моя, ты настоящий друг! Я знала! Ты меня никогда не подведешь! Ты самая ненаглядная на свете. До свидания!

— Нет, ты останешься, Джеки.

— Нет, не останусь. Я возвращаюсь в Лондон, а завтра привезу Саймона, и мы все решим. Ты полюбишь его. Он душа.

— Неужели ты не можешь задержаться и выпить чаю?

— Не могу, Линит. У меня от всего голова идет кругом. Я должна вернуться и рассказать Саймону. Я сумасшедшая, знаю, но с этим ничего не поделаешь. Даст бог, замужество меня излечит. Оно вроде бы отрезвляюще действует на людей. — Она направилась к двери, но тут же кинулась напоследок обнять подругу. — Ты одна такая на всем свете, Линит.

Глава 6

Месье Гастон Блонден, владелец ресторанчика «У тетушки», отнюдь не баловал вниманием свою *clientèle*¹. Напрасно могли ждать, что их заметят и выделяют из остальных, богач и красавица, знаменитость и аристократ. И уж совсем в исключительных случаях, являя особую милость, месье Блонден встречал гостя, провожал к придержанному столику и заводил уместный разговор.

¹ Клиентуру (фр.).

On this particular night, M. Blondin had exercised his royal prerogative three times — once for a Duchess, once for a famous racing peer, and once for a little man of comical appearance with immense black moustaches and who, a casual onlooker would have thought, could bestow no favour on Chez Ma Tante by his presence there.

M. Blondin, however, was positively fulsome in his attentions. Though clients had been told for the last half hour that a table was not to be had, one now mysteriously appeared, placed in a most favourable position. M. Blondin conducted the client to it with every appearance of *empressement*.

‘But naturally, for *you* there is *always* a table, Monsieur Poirot! How I wish that you would honour us oftener!’

Hercule Poirot smiled, remembering that past incident wherein a dead body, a waiter, M. Blondin, and a very lovely lady had played a part.

‘You are too amiable, Monsieur Blondin,’ he said.

‘And you are alone, Monsieur Poirot?’

‘Yes, I am alone.’

‘Oh, well, Jules here will compose for you a little meal that will be a poem — positively a poem! Women, however charming, have this disadvantage: they distract the mind from food! You will enjoy your dinner, Monsieur Poirot, I promise you that. Now as to wine—’

A technical conversation ensued, Jules, the *maître d’hotel*, assisting.

Нынешним вечером месье Блонден почтил своим монаршим вниманием лишь троих — герцогиню, пэра-лошадника и комической внешности коротышку с длиннющими черными усами, который своим появлением «У тетушки», отметил бы поверхностный наблюдатель, едва ли делает одолжение ресторану.

А месье Блонден был сама любезность. Хотя последние полчаса посетителей заверили, что ни единого свободного столика не имеется, тут и столик таинственным образом объявился, причем в удобнейшем месте. И месье Блонден самолично, с подчеркнутой *empressement*¹ провел к нему гостя.

— Само собой разумеется, месье Пуаро, для вас всегда найдется столик. Как бы мне хотелось, чтобы вы почаще оказывали нам эту честь.

Эркюль Пуаро улыбнулся, вспомнив давний инцидент с участием мертвого тела, официанта, самого месье Блондена и очень привлекательной дамы.

— Вы очень любезны, месье Блонден, — сказал он.

— Вы один, месье Пуаро?

— Да, один.

— Не беда, Жюль попотчует вас не обедом, а настоящей поэмой. Как ни очаровательны дамы, за ними есть один грешок: они отвлекают от еды! Вы получите удовольствие от обеда, месье Пуаро, я вам это обещаю. Итак, какое вино...

С подоспевшим Жюлем разговор принял специальный характер.

¹ Услужливостью (*фр.*).

Before departing, M. Blondin lingered a moment, lowering his voice confidentially.

‘You have grave affairs on hand?’

Poirot shook his head.

‘I am, alas, a man of leisure,’ he said softly. ‘I have made the economies in my time and I have now the means to enjoy the life of idleness.’

‘I envy you.’

‘No, no, you would be unwise to do so. I can assure you, it is not so gay as it sounds.’ He sighed. ‘How true is the saying that man was forced to invent work in order to escape the strain of having to think.’

M. Blondin threw up his hands.

‘But there is so much! There is travel!’

‘Yes, there is travel. Already I have done not so badly. This winter I shall visit Egypt, I think. The climate, they say, is superb! One will escape from the fogs, the greyness, the monotony of the constantly falling rain.’

‘Ah! Egypt,’ breathed M. Blondin.

‘One can even voyage there now, I believe, by train, escaping all sea travel except the Channel.’

‘Ah, the sea, it does not agree with you?’

Hercule Poirot shook his head and shuddered slightly.

‘I, too,’ said M. Blondin with sympathy. ‘Curious the effect it has upon the stomach.’

‘But only upon certain stomachs! There are people on whom the motion makes no impression whatever. They actually *enjoy* it!’

‘An unfairness of the good God,’ said M. Blon-

Еще задержавшись, месье Блонден спросил, понизив голос:

— Есть какие-нибудь серьезные дела?

Пуаро покачал головой.

— Увы, я теперь лентяй, — сказал он с грустью. — В свое время я сделал кое-какие сбережения, и мне по средствам вести праздную жизнь.

— Завидую вам.

— Что вы, завидовать мне неразумно. Уверяю вас, это только звучит хорошо: праздность. — Он вздохнул. — Правду говорят, что человек вынужден занимать себя работой, чтобы не думать.

Месье Блонден воздел руки:

— Но есть же масса другого! Есть путешествия!

— Да, есть путешествия. Я уже отдал им немалую дань. Этой зимой, вероятно, посету Египет. Климат, говорят, восхитительный. Сбежать от туманов, пасмурного неба и однообразного бесконечного дождя.

— Египет... — вздохнул месье Блонден.

— Туда, по-моему, теперь можно добраться поездом, а не морем, если не считать паром через Ла-Манш.

— Море — вы плохо переносите его?

Эркюль Пуаро кивнул и чуть передернулся.

— Так же я, — сочувственно сказал месье Блонден. — Занятно, что это так действует на желудок.

— Но не на всякий желудок. Есть люди, на которых движение совершенно не оказывает действия. Оно им даже в удовольствие.

— Не поровну милость божья, — сказал месье

din. He shook his head sadly, and, brooding on the impious thought, withdrew.

Smooth-footed, deft-handed waiters ministered to the table. Toast Melba, butter, an ice pail, all the adjuncts to a meal of quality.

The orchestra broke into an ecstasy of strange discordant noises. London danced.

Hercule Poirot looked on, registered impressions in his neat orderly mind.

How bored and weary most of the faces were! Some of those stout men, however, were enjoying themselves... whereas a patient endurance seemed to be the sentiment exhibited on their partners' faces. The fat woman in purple was looking radiant... Undoubtedly the fat had certain compensations in life... a zest — a gusto — denied to those of more fashionable contours.

A good sprinkling of young people — some vacant-looking — some bored — some definitely unhappy. How absurd to call youth the time of happiness — youth, the time of greatest vulnerability!

His glance softened as it rested on one particular couple. A well-matched pair — tall broad-shouldered man, slender delicate girl. Two bodies that moved in a perfect rhythm of happiness. Happiness in the place, the hour, and in each other.

The dance stopped abruptly. Hands clapped and it started again. After a second encore the couple returned to their table close by Poirot. The girl was flushed, laughing. As she sat, he could study her face as it was lifted laughing to her companion.

Блонден. Он печально помотал головой и с этой греховной мыслью удалился.

Неслышные расторопные официанты накрывали столик. Сухарики «мелба», масло, ведерко со льдом — все, что полагается для первоклассного обеда.

Оглушительно и вразнобой грянул негритянский оркестр. Лондон танцевал.

Эркуюль Пуаро поднял глаза, размещая впечатления в своей ясной, упорядоченной голове.

Сколько скучных усталых лиц! Хотя вон те крепыши веселятся напропалую... притом что на лицах их спутниц застыло одно стоическое терпение. Чему-то радуется толстая женщина в красном... Вообще у толстяков есть свои радости в жизни... смаковать, гурманствовать — кто позволит себе, следя за фигурой?

И молодежи порядочно пришло — безразличной, скучающей, тоскующей. Считать юность счастливой порой — какая чушь! — ведь юность более всего ранима.

Его взгляд размягченно остановился на одной паре. Прекрасно они смотрелись рядом — широкоплечий мужчина и стройная хрупкая девушка. В идеальном ритме счастья двигались их тела. Счастьем было то, что они здесь в этот час — и вместе.

Танец оборвался. После аплодисментов он возобновился, и еще раз оркестр играл на «бис», и только потом та пара вернулась к своему столу недалеко от Пуаро. Раскрасневшаяся девушка смеялась. Она так села против своего спутника, что Пуаро мог хорошо разглядеть ее лицо.

There was something else beside laughter in her eyes. Hercule Poirot shook his head doubtfully.

‘She cares too much, that little one,’ he said to himself. ‘It is not safe. No, it is not safe.’

And then a word caught his ear. Egypt.

Their voices came to him clearly — the girl’s young, fresh, arrogant, with just a trace of soft-sounding foreign Rs, and the man’s pleasant, low-toned, well-bred English.

‘I’m *not* counting my chickens before they’re hatched, Simon. I tell you Linnet won’t let us down!’

‘I might let *her* down.’

‘Nonsense — it’s just the right job for you.’

‘As a matter of fact I think it is ... I haven’t really any doubts as to my capability. And I mean to make good — for *your* sake!’

The girl laughed softly, a laugh of pure happiness.

‘We’ll wait three months — to make sure you don’t get the sack — and then—’

‘And then I’ll endow thee with my worldly goods — that’s the hang of it, isn’t it?’

‘And, as I say, we’ll go to Egypt for our honeymoon. Damn the expense! I’ve always wanted to go to Egypt all my life. The Nile and the Pyramids and the sand ...’

He said, his voice slightly indistinct:

‘We’ll see it together, Jackie ... together. Won’t it be marvellous?’

‘I wonder. Will it be as marvellous to you as it is to me? Do you really care — as much as I do?’

Если бы только ее глаза смеялись! Пуаро с сомнением покачал головой.

«Что-то заботит малышку, — сказал он про себя. — Что-то не так. Да-да, не так».

Тут его слуха коснулось слово: Египет.

Он ясно слышал их голоса — девушки, молодой и свежий, напористый, с чуть смягченным иностранным «р», и приятный, негромкий голос хорошо воспитанного англичанина.

— Я знаю, что цыплят по осени считают, Саймон. Но говорю тебе: Линит не подведет.

— Зато я могу ее подвести.

— Чепуха, это прямо для тебя работа.

— Честно говоря, мне тоже так кажется... Насчет своей пригодности у меня нет сомнений. Тем более что я очень постараюсь — ради тебя.

Девушка тихо рассмеялась безоглядно счастливым смехом.

— Переждем три месяца, убедимся, что тебя не уволят, и...

— И я выделю тебе долю от нажитого добра¹ — я правильно уловил мысль?

— И мы поедем в Египет в наш медовый месяц — вот что я хотела сказать. Плевать, что дорого! Я всю жизнь хочу поехать в Египет. Нил... пирамиды... пески...

Мужской голос прозвучал не очень отчетливо:

— Мы вдвоем увидим все это, Джеки... вдвоем. Будет дивно, да?

— Мне — да, а тебе? Интересно... ты правда этого хочешь так же сильно, как я?

¹ Слегка измененная фраза из Книги общей молитвы — молитвенника и тревника англиканской церкви.

Her voice was suddenly sharp — her eyes dilated — almost with fear.

The man's answer came with an equal sharpness: 'Don't be absurd, Jackie.'

But the girl repeated: 'I wonder ...' Then she shrugged her shoulders: 'Let's dance.'

Hercule Poirot murmured to himself:

'Une qui aime et un qui se laisse aimer. Yes, I wonder too.'

Chapter 7

Joanna Southwood said: 'And suppose he's a terrible tough?'

Linnet shook her head.

'Oh, he won't be. I can trust Jacqueline's taste.'

Joanna murmured:

'Ah, but people don't run true to form in love affairs.'

Linnet shook her head impatiently. Then she changed the subject.

'I must go and see Mr Pierce about those plans.'

'Plans?'

'Yes, some dreadful insanitary old cottages. I'm having them pulled down and the people moved.'

'How sanitary and public-spirited of you, darling!'

'They'd have had to go anyway. Those cottages would have overlooked my new swimming pool.'

'Do the people who live in them like going?'

'Most of them are delighted. One or two are being rather stupid about it — really tiresome in fact.'

Ее голос напрягся, глаза округлились — и чуть ли не страх был в них.

Ответ последовал быстрый и резковатый:

— Не глупи, Джеки.

— Интересно... — повторила девушка. И пере-дернула плечами. — Пойдем потанцуем.

Эркюль Пуаро пробормотал под нос:

— «Un qui aime et un qui se laisse aimer»¹. М-да, мне тоже интересно.

Глава 7

— А вдруг с ним чертовски трудно ладить? — сказала Джоанна Саутвуд.

Линит покачала головой:

— Не думаю. Я доверяю вкусу Жаклин.

На это Джоанна заметила:

— В любви люди всегда другие.

Линит нетерпеливо мотнула головой и пере-менила тему:

— Мне надо к мистеру Пирсу — насчет проекта.

— Насчет проекта?

— Насчет развалюх. Я хочу их снести, а людей переселить.

— Какая ты у нас тонкая и сознательная, душка.

— Эти дома все равно надо убирать. Они испор-тят вид на мой бассейн.

— А их обитатели согласятся выехать?

— Да многие за милую душу! А некоторые —

¹ «Один любит, другой позволяет себя любить» (фр.).

They don't seem to realize how vastly improved their living conditions will be!

'But you're being quite high-handed about it, I presume.'

'My dear Joanna, it's to their advantage really.'

'Yes, dear. I'm sure it is. Compulsory benefit.'

Linnet frowned. Joanna laughed.

'Come now, you *are* a tyrant, admit it. A beneficent tyrant if you like!'

'I'm not the least bit of a tyrant.'

'But you like your own way!'

'Not especially.'

'Linnet Ridgeway, can you look me in the face and tell me of *any one occasion* on which you've failed to do exactly as you wanted?'

'Heaps of times.'

'Oh, yes, "heaps of times"—just like that — but no concrete example. And you simply can't think up one, darling, however hard you try! The triumphal progress of Linnet Ridgeway in her golden car.'

Linnet said sharply: 'You think I'm selfish?'

'No — just irresistible. The combined effect of money and charm. Everything goes down before you. What you can't buy with cash you buy with a smile. Result: Linnet Ridgeway, the Girl Who Has Everything.'

'Don't be ridiculous, Joanna!'

'Well, haven't you got everything?'

'I suppose I have ... It sounds rather disgusting, somehow!'

такие зануды. Не могут уразуметь, как сказочно изменятся их условия жизни.

— Я знаю, ты не упустишь поучить их уму-разуму.

— Ради их же пользы, дорогая Джоанна.

— Конечно, дорогая, я все понимаю. Принудительное благо.

Линит нахмурилась. Джоанна рассмеялась:

— Не отпирайся, ведь ты — тиран. Если угодно, тиран-благодетель.

— Я ни капельки не тиран!

— Но ты любишь настоять на своем.

— Не очень.

— Погляди мне в глаза, Линит Риджуэй, и назови хоть один раз, когда тебе не удалось поступить по-своему.

— Я тебе назову тысячу раз.

— Вот-вот: «тысяча раз» — и ни одного конкретного примера. Ты не придумаешь его, сколько ни старайся. Триумфальный проезд Линит Риджуэй в золотом авто.

— Ты считаешь, я эгоистка? — резко бросила Линит.

— Нет, ты победительница — только и всего. Благодаря союзу денег и обаяния. Все повергается перед тобой. Чего не купят деньги — доставит улыбка. Вот это и означает: Линит Риджуэй — Девушка, у Которой Все Есть.

— Не смехи меня, Джоанна.

— Разве не правда, что у тебя все есть?

— Пожалуй, правда... Дикость какая-то!

‘Of course it’s disgusting, darling! You’ll probably get terribly bored and blasé by and by. In the meantime, enjoy the triumphal progress in the golden car. Only I wonder, I really do wonder, what will happen when you want to go down a street which has a board saying No Thoroughfare.’

‘Don’t be idiotic, Joanna.’ As Lord Windlesham joined them, Linnet said, turning to him: ‘Joanna is saying the nastiest things to me.’

‘All spite, darling, all spite,’ said Joanna vaguely as she got up from her seat.

She made no apology for leaving them. She had caught the glint in Windlesham’s eye.

He was silent for a minute or two. Then he went straight to the point.

‘Have you come to a decision, Linnet?’

Linnet said slowly:

‘Am I being a brute? I suppose, if I’m not sure, I ought to say No—’

He interrupted her:

‘Don’t say it. You shall have time — as much time as you want. But I think, you know, we should be happy together.’

‘You see,’ Linnet’s tone was apologetic, almost childish, ‘I’m enjoying myself so much — especially with all this.’ She waved a hand. ‘I wanted to make Wode Hall into my real ideal of a country house, and I do think I’ve got it nice, don’t you?’

— Еще бы не дикость! Ты, наверное, иногда сатанеешь от скуки и blasé¹. А пока верши свой триумфальный проезд в золотом авто. Но хотелось бы мне знать — даже очень! — что будет, когда ты выедешь на улицу, а там знак: «Проезда нет».

— Не городи чушь, Джоанна. — Обернувшись к вошедшему лорду Уиндлизему, Линит сказала: — Джоанна говорит обо мне страшные гадости.

— Из вредности, дорогая, исключительно из вредности, — рассеянно отозвалась та, поднимаясь с кресла.

Она ушла, не придумав повода. В глазах Уиндлизема она отметила огонек.

Минуту-другую тот молчал. Потом прямо перешел к делу:

— Вы пришли к какому-нибудь решению, Линит?

Она медленно выговорила:

— Неужели придется быть жестокой? Ведь если я не уверена, мне нужно сказать: нет...

Он остановил ее:

— Не говорите! Время терпит — у вас сколько угодно времени. Только, мне кажется, мы будем счастливы вместе.

— Понимаете, — виновато, с детской интонацией сказала Линит, — мне сейчас так хорошо — да еще все это в придачу. — Она повела рукой. — Мне хотелось сделать из Вуд-Холла идеальный загородный дом, и, по-моему, получилось славно, вам не кажется?

¹ Пресыщенности (фр.).

‘It’s beautiful. Beautifully planned. Everything perfect. You’re very clever, Linnet.’ He paused a minute and went on: ‘And you like Charltonbury, don’t you? Of course it wants modernizing and all that — but you’re so clever at that sort of thing. You enjoy it.’

‘Why, of course, Charltonbury’s divine.’

She spoke with ready enthusiasm, but inwardly she was conscious of a sudden chill. An alien note had sounded, disturbing her complete satisfaction with life. She did not analyse the feeling at the moment, but later, when Windlesham had left her, she tried to probe the recesses of her mind.

Charltonbury — yes, that was it — she had resented the mention of Charltonbury. But why? Charltonbury was modestly famous. Windlesham’s ancestors had held it since the time of Elizabeth. To be mistress of Charltonbury was a position unsurpassed in society. Windlesham was one of the most desirable *partis* in England.

Naturally he couldn’t take Wode seriously... It was not in any way to be compared with Charltonbury.

Ah, but Wode was *hers*! She had seen it, acquired it, rebuilt and re-dressed it, lavished money on it. It was her own possession, her kingdom.

But in a sense it wouldn’t count if she married Windlesham. What would they want with two country places? And of the two, naturally Wode Hall would be the one to be given up.

— Здесь прекрасно. Прекрасная планировка. Все безукоризненно. Вы умница, Линит. — Он помолчал минуту и продолжал: — А Чарлтонбери — ведь он вам нравится? Конечно, требуется кое-что подновить, но у вас все так замечательно выходит. Вам это доставит удовольствие.

— Ну конечно, Чарлтонбери — это чудо.

Она охотно поддакнула ему, но на сердце лег холодок. Какая-то посторонняя нота внесла диссонанс в ее полное принятие жизни. Тогда она не стала углубляться в это чувство, но позже, когда Уиндлизем ушел в дом, решила покопаться в себе.

Вот оно: Чарлтонбери — ей было неприятно, что о нем зашла речь. Но почему? Весьма знаменитое место. Предки Уиндлизема владели поместьем со времен Елизаветы¹. Быть хозяйкой Чарлтонбери — высокая честь. Уиндлизем был из самых желанных партий в Англии.

Понятно, он не может всерьез воспринимать Вуд... Даже сравнивать смешно с Чарлтонбери.

Зато Вуд — это только ее! Она увидела поместье, купила его, перестроила и все переделала, вложила пропасть денег. Это ее собственность, ее королевство.

И оно утратит всякий смысл, выйди она замуж за Уиндлизема. Что им делать с двумя загородными домами? И естественно, отказаться придется от Вуд-Холла.

¹ Елизавета (1533—1603) — английская королева с 1558 г., из династии Тюдоров.

She, Linnet Ridgeway, wouldn't exist any longer. She would be Countess of Windlesham, bringing a fine dowry to Charltonbury and its master. She would be queen consort, not queen any longer.

'I'm being ridiculous,' said Linnet to herself.

But it was curious how she did hate the idea of abandoning Wode...

And wasn't there something else nagging at her? Jackie's voice with that queer blurred note in it saying: 'I shall *die* if I can't marry him! I shall die. I shall die...'

So positive, so earnest. Did she, Linnet, feel like that about Windlesham? Assuredly she didn't. Perhaps she could never feel like that about anyone. It must be — rather wonderful — to feel like that...

The sound of a car came through the open window.

Linnet shook herself impatiently. That must be Jackie and her young man. She'd go out and meet them.

She was standing in the open doorway as Jacqueline and Simon Doyle got out of the car.

'Linnet!' Jackie ran to her. 'This is Simon. Simon, here's Linnet. She's just the most wonderful person in the world.'

Linnet saw a tall, broad-shouldered young man, with very dark blue eyes, crisply curling brown hair, a square chin, and a boyish, appealing, simple smile...

И от себя самой придется отказаться. Линит Риджуэй станет графиней Уиндлизем, осчастливив своим приданым Чарлтонбери и его хозяина. Она будет королевской супругой, но уже никак не королевой.

«Я делаюсь смешной», — подумала она.

Но странно, что ей так ненавистна мысль лишиться Вуда...

И еще не давали покоя слова, что Джеки выговорила странным, зыбким голосом: «Я умру, если не выйду за него замуж. Просто умру...»

Какая решимость, сколько убежденности. А сама она, Линит, чувствовала что-нибудь похожее к Уиндлизему? Ни в малой степени. Возможно, она вообще ни к кому не могла испытывать таких чувств. А должно быть, это замечательно по своему — переживать такие чувства...

В открытое окно донесся звук автомобиля.

Линит нетерпеливо передернула плечами. Скорее всего, это Джеки со своим молодым человеком. Надо выйти и встретить их.

Она стояла на пороге, когда Жаклин и Саймон Дойл выходили из машины.

— Линит! — Джеки подбежала к ней. — Это Саймон. Саймон, это Линит. Самый замечательный человек на свете.

Линит увидела высокого, широкоплечего молодого человека с темно-синими глазами, кудрявой каштановой головой, с прямоугольным подбородком и обезоруживающе мальчишеской улыбкой.

She stretched out a hand. The hand that clasped hers was firm and warm... She liked the way he looked at her, the naïve genuine admiration.

Jackie had told him she was wonderful, and he clearly thought that she was wonderful...

A warm sweet feeling of intoxication ran through her veins.

‘Isn’t this all lovely?’ she said. ‘Come in, Simon, and let me welcome my new land agent properly.’

And as she turned to lead the way she thought: ‘I’m frightfully — frightfully happy. I like Jackie’s young man... I like him enormously...’

And then a sudden pang: ‘Lucky Jackie...’

Chapter 8

Tim Allerton leant back in his wicker chair and yawned as he looked out over the sea. He shot a quick sidelong glance at his mother.

Mrs Allerton was a good-looking, white-haired woman of fifty. By imparting an expression of pinched severity to her mouth every time she looked at her son, she sought to disguise the fact of her intense affection for him. Even total strangers were seldom deceived by this device and Tim himself saw through it perfectly.

He said:

‘Do you really like Majorca, Mother?’

‘Well—,’ Mrs Allerton considered, ‘it’s cheap.’

Она протянула ему руку. Его пожатие было крепким и теплым. Ей понравился его взгляд, в нем светилось наивное, искреннее восхищение.

Джеки сказала, что она замечательная, и он истово поверил в это.

Все ее тело охватила сладкая истома.

— Правда, здесь прелестно? — сказала она. — Входите, Саймон, я хочу достойно принять своего нового управляющего.

Ведя их за собой в дом, она думала: «Мне ужасно, ужасно хорошо. Мне нравится молодой человек Джеки... Страшно нравится».

И еще уколола мысль: «Повезло Джеки...»

Глава 8

Тим Аллертон откинулся в плетеном кресле и, взглянув в сторону моря, зевнул. Потом бросил вороватый взгляд на мать.

Седовласая пятидесятилетняя миссис Аллертон была красивой женщиной. Всякий раз, когда она смотрела на сына, она сурово сжимала губы, чтобы скрыть горячую привязанность к нему. Даже совершенно посторонние люди редко попадались на эту уловку, а уж сам Тим отлично знал ей цену.

Сейчас он сказал:

— Мам, тебе правда нравится Майорка¹?

— М-м, — задумалась миссис Аллертон. — Тут дешево.

¹ Майорка — остров в Средиземном море, славится климатическими курортами. Территория Испании.

‘And cold,’ said Tim with a slight shiver.

He was a tall, thin young man, with dark hair and a rather narrow chest. His mouth had a very sweet expression, his eyes were sad and his chin was indecisive. He had long delicate hands.

Threatened by consumption some years ago, he had never displayed a really robust physique. He was popularly supposed ‘to write’, but it was understood among his friends that enquiries as to literary output were not encouraged.

‘What are you thinking of, Tim?’

Mrs Allerton was alert. Her bright dark-brown eyes looked suspicious.

Tim Allerton grinned at her:

‘I was thinking of Egypt.’

‘Egypt?’ Mrs Allerton sounded doubtful.

‘Real warmth, darling. Lazy golden sands. The Nile. I’d like to go up the Nile, wouldn’t you?’

‘Oh, I’d *like* it.’ Her tone was dry. ‘But Egypt’s expensive, my dear. Not for those who have to count the pennies.’

Tim laughed. He rose, stretched himself. Suddenly he looked alive and eager. There was an excited note in his voice.

‘The expense will be my affair. Yes, darling. A little flutter on the Stock Exchange. With thoroughly satisfactory results. I heard this morning.’

‘This morning?’ said Mrs Allerton sharply. ‘You only had one letter and that—’

— И холодно, — сказал Тим, зябко передернув плечами.

Это был высокий, худощавый молодой человек, темноволосый, с узкой грудью. У него очень приятная линия рта, грустные глаза и безвольный подбородок. Тонкие изящные руки.

Он никогда-то не был крепкого сложения, а несколько лет назад вдруг подкралась чахотка. Молва утверждала, что «он кашляет», однако друзья знали, что интерес к его литературным делам не поощряется.

— Ты о чем думаешь, Тим?

Миссис Аллертон была начеку. Ее карие глаза смотрели на него подозрительно.

Тим Аллертон ухмыльнулся:

— Я думаю о Египте.

— О Египте? — В ее голосе прозвучало недоверие.

— Там по-настоящему тепло, дорогая. Сонные золотые пески. Нил. Мне всегда хотелось подняться по Нилу. А тебе?

— Еще как хотелось. — Голос ее стал сухим. — Но Египет — это дорого, мой милый. Он не для тех, кто считает каждый пенни.

Тим рассмеялся. Он встал с кресла, потянулся. Он как-то сразу поживел, ободрился. И голос у него окреп.

— Расходы я беру на себя. Да-да, дорогая! На бирже маленький переполюх. Результат в высшей степени благоприятен. Я узнал сегодня утром.

— Сегодня утром? — резко переспросила миссис Аллертон. — Ты получил только одно письмо, причем от...

She stopped and bit her lip.

Tim looked momentarily undecided whether to be amused or annoyed. Amusement gained the day.

‘And that was from Joanna,’ he finished coolly. ‘Quite right, Mother. What a queen of detectives you’d make! The famous Hercule Poirot would have to look to his laurels if you were about.’

Mrs Allerton looked rather cross.

‘I just happened to see the handwriting—’

‘And knew it wasn’t that of a stockbroker? Quite right. As a matter of fact it was yesterday I heard from them. Poor Joanna’s handwriting *is* rather noticeable — sprawls about all over the envelope like an inebriated spider.’

‘What does Joanna say? Any news?’

Mrs Allerton strove to make her voice sound casual and ordinary. The friendship between her son and his second cousin, Joanna Southwood, always irritated her. Not, as she put it to herself, that there was ‘anything in it’. She was quite sure there wasn’t. Tim had never manifested a sentimental interest in Joanna, nor she in him. Their mutual attraction seemed to be founded on gossip and the possession of a large number of friends and acquaintances in common. They both liked people and discussing people. Joanna had an amusing if caustic tongue.

It was not because Mrs Allerton feared that Tim might fall in love with Joanna that she found herself always becoming a little stiff in manner if Joanna were present or when letters from her arrived.

It was some other feeling hard to define — perhaps an unacknowledged jealousy in the unfeigned pleas-

Закусив губу, она смолкла.

Тим с минуту гадал, сердиться ему или обернуть все в шутку. Победило хорошее настроение.

— Причем от Джоанны, — холодно договорил он. — Твоя правда, матушка. Тебе бы королевой сыщиков быть! Пресловутому Эркюлю Пуаро пришлось бы побороться с тобой за пальму первенства.

Миссис Аллертон казалась раздосадованной.

— Просто-напросто я увидела конверт...

— И поняла по почерку, что письмо не от маклера. О чем я и толкую. Вообще-то биржевые новости я узнал вчера. А почерк у Джоанны действительно приметный — пишет как курица лапой.

— Что пишет Джоанна? Что новенького?

Миссис Аллертон постаралась, чтобы голос ее прозвучал безразлично и обыденно. Ее раздражала дружба сына с троюродной сестрой Джоанной Саутвуд. Не то чтобы, как она это формулировала, «там что-то есть»: там, она была уверена, ничего не было. Никаких теплых чувств к Джоанне Тим не выказывал — как и она к нему. Их взаимная приязнь основывалась на любви к сплетням и множестве общих друзей и знакомых. Им обоим были интересны люди — и было интересно посудачить о них. У Джоанны был язвительный, если не сказать злой язык.

И не то чтобы миссис Аллертон боялась, что Тим может влюбиться в Джоанну, когда невольно напрягалась в ее присутствии или, как сейчас, получая от нее вести.

Тут было другое, и не сразу скажешь что — может, неосознанная ревность при виде удоволь-

ure Tim always seemed to take in Joanna's society. He and his mother were such perfect companions that the sight of him absorbed and interested in another woman always startled Mrs Allerton slightly. She fancied, too, that her own presence on these occasions set some barrier between the two members of the younger generation. Often she had come upon them eagerly absorbed in some conversation and, at sight of her, their talk had wavered, had seemed to include her rather too purposefully and as in duty bound. Quite definitely, Mrs Allerton did not like Joanna Southwood. She thought her insincere, affected, and essentially superficial. She found it very hard to prevent herself saying so in unmeasured tones.

In answer to her question, Tim pulled the letter out of his pocket and glanced through it. It was quite a long letter, his mother noted.

'Nothing much,' he said. 'The Devenishes are getting a divorce. Old Monty's been had up for being drunk in charge of a car. Windlesham's gone to Canada. Seems he was pretty badly hit when Linnet Ridgeway turned him down. She's definitely going to marry this land agent person.'

'How extraordinary! Is he very dreadful?'

'No, no, not at all. He's one of the Devonshire Doyles. No money, of course — and he was actually engaged to one of Linnet's best friends. Pretty thick, that.'

'I don't think it's at all nice,' said Mrs Allerton, flushing.

Tim flashed her a quick affectionate glance.

'I know, darling. You don't approve of snaffling other people's husbands and all that sort of thing.'

ствия, которое Тим испытывал в обществе Джоанны. Увлечение сына другой женщиной всегда отчасти поражало миссис Аллертон: ведь они с сыном идеальные собеседники. И еще: когда такое случалось, она чувствовала как бы стену, вставшую между ней и молодыми людьми. Она не раз заставляла их бойко беседующими, и когда они со всем старанием, но и как бы по обязанности втягивали ее в разговор, тот сразу увядал. Спору нет, миссис Аллертон не любила Джоанну Саутвуд. Она считала ее лицемерной и пустой, и бывало очень трудно сдержаться и не выразить свое отношение к ней.

В ответ на ее вопрос Тим вытянул из кармана письмо и пробежал его глазами. «Вон сколько понаписала», — отметила его мать.

— Новостей немного, — сказал он. — Деве-ниши разводятся. Старину Монти сцапали за вождение в пьяном виде. Уиндлизем уехал в Канаду. Похоже, он не может опомниться, после того как Линит Риджуэй отказала ему. Она выходит за своего управляющего.

— Каков сюрприз! Он совершенный монстр?

— Отнюдь нет. Он из девонширских Дойлов. Бедняк, разумеется, притом он был обручен с лучшей подругой Линит. Крепко, крепко.

— Полное неприличие, — вспыхнув, сказала миссис Аллертон.

Тим послал в ее сторону любящий взгляд.

— Понимаю тебя, дорогая. Ты не одобряешь похищения чужих мужей и вообще мошенничества.

‘In my day we had our standards,’ said Mrs Allerton. ‘And a very good thing too! Nowadays young people seem to think they can just go about doing anything they choose.’

Tim smiled.

‘They don’t only think it. They do it. *Vide* Linnet Ridgeway!’

‘Well, I think it’s horrid!’

Tim twinkled at her.

‘Cheer up, you old die-hard! Perhaps I agree with you. Anyway, *I* haven’t helped myself to anyone’s wife or fiancée yet.’

‘I’m sure you’d never do such a thing,’ said Mrs Allerton. She added with spirit, ‘I’ve brought you up properly.’

‘So the credit is yours, not mine.’

He smiled teasingly at her as he folded the letter and put it away again. Mrs Allerton let the thought just flash across her mind: ‘Most letters he shows to me. He only reads me snippets from Joanna’s.’

But she put the unworthy thought away from her, and decided, as ever, to behave like a gentlewoman.

‘Is Joanna enjoying life?’ she asked.

‘So so. Says she thinks of opening a delicatessen shop in Mayfair.’

‘She always talks about being hard up,’ said Mrs Allerton with a tinge of spite, ‘but she goes about everywhere and her clothes must cost her a lot. She’s always beautifully dressed.’

— Мы в молодости имели принципы, — сказала миссис Аллертон. — И слава богу! А нынешняя молодежь полагает, что может творить все что заблагорассудится.

Тим улыбнулся:

— Она не только полагает — она творит все это. Vide¹ Линит Риджуэй.

— Так это ужас какой-то!

Тим подмигнул ей:

— Выше голову, пережиток прошлого! Может, я твой союзник. Во всяком случае, я пока что не умыкал чужих жен или невест.

— И впредь, уверена, не сделаешь этого, — сказала миссис Аллертон. — Я воспитывала тебя приличным человеком, — добавила она с чувством.

— Так что заслуга в этом твоя, и я тут ни при чем.

Ехидно улыбнувшись, он сложил письмо и вернул его в карман. Миссис Аллертон не удержалась от мысли: «Почти все письма он мне показывает. А когда от Джоанны — только зачитывает куски».

Однако она прогнала эту недостойную мысль и привычно решила явить широту души.

— Не скучает Джоанна? — спросила она.

— Когда как. Пишет, что хочет открыть магазин в Мэйфере².

— Она всегда жалуется на жизнь, — с легкой неприязнью сказала миссис Аллертон, — а между тем ходит по гостям, и гардероб должен ей стоять целое состояние. Она прекрасно одевается.

¹ Смотри (*лат.*).

² Мэйфер — фешенебельный район Лондона с дорогими магазинами и гостиницами.

‘Ah, well,’ said Tim, ‘she probably doesn’t pay for them. No, mother, I don’t mean what your Edwardian mind suggests to you. I just mean quite literally that she leaves her bills unpaid.’

Mrs Allerton sighed.

‘I never know how people manage to do that.’

‘It’s a kind of special gift,’ said Tim. ‘If only you have sufficiently extravagant tastes, and absolutely no sense of money values, people will give you any amount of credit.’

‘Yes, but you come to the Bankruptcy Court in the end like poor Sir George Wode.’

‘You have a soft spot for that old horse copper — probably because he called you a rosebud in 1879 at a dance.’

‘I wasn’t born in 1879,’ Mrs Allerton retorted with spirit. ‘Sir George has charming manners, and I won’t have you calling him a horse copper.’

‘I’ve heard funny stories about him from people that know.’

‘You and Joanna don’t mind what you say about people; anything will do so long as it’s sufficiently illnatured.’

Tim raised his eyebrows.

‘My dear, you’re quite heated. I didn’t know old Wode was such a favourite of yours.’

— Так она, скорее всего, не платит за это, — сказал Тим. — Нет-нет, мам, я имею в виду совсем не то, что тебе подсказывает твое эдвардианское мировоззрение¹. Просто она не оплачивает счета, только и всего.

Миссис Аллертон вздохнула:

— Не представляю, как людям удастся это делать.

— Это в некотором роде особый талант, — сказал Тим. — Если иметь достаточно экстравагантные вкусы при полном непонимании, чего стоят деньги, — тебе откроют какой угодно кредит.

— Пусть, но в конечном счете тебя отправят в суд — за неплатежеспособность, как сэра Джорджа Вуда, беднягу.

— У тебя какая-то слабость к этому конскому барышнику — уж не оттого ли, что в тысяча восемьсот семьдесят девятом году, увидев тебя на балу, он назвал тебя розанчиком?

— В тысяча восемьсот семьдесят девятом я еще не родилась! — с чувством возразила миссис Аллертон. — У сэра Джорджа обворожительные манеры, и не смей звать его барышником.

— Я слышал занятные истории про него от знающих людей.

— Тебе и Джоанне все равно, что пересказывать о людях, — чем гаже, тем лучше.

Тим поднял брови:

— Дорогая, возьми себя в руки. Вот уж не представлял, что старина Вуд у тебя в таком фаворе.

¹ Отличительной чертой его была чопорность. Относится ко времени правления Эдуарда VII (1901—1910), когда нравы оставались еще «викторианскими».

‘You don’t realize how hard it was for him, having to sell Wode Hall. He cared terribly about that place.’

Tim suppressed the easy retort. After all, who was he to judge? Instead he said thoughtfully:

‘You know, I think you’re not far wrong there. Linnet asked him to come down and see what she’d done to the place, and he refused quite rudely.’

‘Of course. She ought to have known better than to ask him.’

‘And I believe he’s quite venomous about her — mutters things under his breath whenever he sees her. Can’t forgive her for having given him an absolutely top price for the worm-eaten family estate.’

‘And you can’t understand that?’ Mrs Allerton spoke sharply.

‘Frankly,’ said Tim calmly, ‘I can’t. Why live in the past? Why cling on to things that have been?’

‘What are you going to put in their place?’

He shrugged his shoulders.

‘Excitement, perhaps. Novelty. The joy of never knowing what may turn up from day to day. Instead of inheriting a useless tract of land, the pleasure of making money for yourself — by your own brains and skill.’

‘A successful deal on the Stock Exchange, in fact!’

He laughed:

‘Why not?’

‘And what about an equal *loss* on the Stock Exchange?’

— Ты даже не можешь вообразить, чего ему стоило продать Вуд-Холл. Он страшно дорожил поместьем.

Можно было возразить, но Тим сдержался. Кто он такой, в конце концов, чтобы судить других? И он раздумчиво ответил:

— Насчет этого ты, пожалуй, права. Линит звала его приехать и посмотреть, как она устроилась, — так он наотрез отказался.

— Еще бы! Надо было все-таки подумать, прежде чем звать его.

— Он, по-моему, затаил злобу на нее — всегда что-то бурчит под нос, когда завидит ее. Не может простить, что за источенное червями родовое гнездо она выложила невысказанные деньги.

— Ты и этого не можешь понять? — бросила ему миссис Аллертон.

— Честно говоря, — невозмутимо ответил Тим, — не могу. Зачем жить прошлым? Липнуть к тому, что было, да сплыло?

— А что ты предложишь взамен?

Он пожал плечами:

— Что-нибудь живое. Новое. Ведь какая редкость — не знать, что принесет завтрашний день. Что хорошего наследовать бросовый клочок земли? Гораздо приятнее зарабатывать на свой страх и риск.

— Например, успешно проверить дельце на бирже.

Он рассмеялся:

— Почему бы и нет?

— А если так же успешно прогореть на бирже?

‘That, dear, is rather tactless. And quite inappropriate today ... What about this Egypt plan?’

‘Well—’

He cut in smiling at her:

‘That’s settled. We’ve both always wanted to see Egypt.’

‘When do you suggest?’

‘Oh, next month. January’s about the best time there. We’ll enjoy the delightful society in this hotel a few weeks longer.’

‘Tim,’ said Mrs Allerton reproachfully. Then she added guiltily: ‘I’m afraid I promised Mrs Leech that you’d go with her to the police station. She doesn’t understand any Spanish.’

Tim made a grimace.

‘About her ring? The blood-red ruby of the horse-leech’s daughter? Does she still persist in thinking it’s been stolen? I’ll go if you like, but it’s a waste of time. She’ll only get some wretched chambermaid into trouble. I distinctly saw it on her finger when she went into the sea that day. It came off in the water and she never noticed.’

‘She says she is quite sure she took it off and left it on her dressing table.’

‘Well, she didn’t. I saw it with my own eyes. The woman’s a fool. Any woman’s a fool who goes prancing into the sea in December, pretending the water’s quite warm just because the sun happens to be shining rather brightly at the moment. Stout women oughtn’t to be allowed to bathe anyway; they look so revolting in bathing dresses.’

— Довольно бестактное замечание, дорогая, и уж совсем некстати сегодня... Как же насчет Египта?

— Ну, если...

Он с улыбкой прервал ее:

— Решено. Мы же всегда хотели побывать в Египте.

— Когда ты предлагаешь ехать?

— Да прямо в будущем месяце. Январь там — чуть ли не лучшее время. А пока несколько недель еще потерпим замечательных обитателей нашего отеля.

— Тим, — с упреком сказала миссис Аллертон и виновато добавила: — Я почти обещала миссис Лич, что ты сходишь с ней в полицейский участок. Она совсем не понимает по-испански.

Тим скорчил гримасу:

— Я обзавелся личной пиявкой. Это по поводу кольца? С кроваво-красным рубином? Она продолжает думать, что его украли? Если хочешь, я схожу, только это пустая трата времени. Она еще навлечет неприятности на какую-нибудь горничную. Я отлично помню, как она заходила в море и кольцо было у нее на руке. Она просто обронила его в воде — и не заметила.

— А она уверена, что сняла и оставила на туалетном столике.

— Она ошибается. Я видел его собственными глазами. Надо быть полной дурой, чтобы в декабре лезть в воду только потому, что ярко светит солнышко. Толстухам вообще надо запретить купание, в купальниках они отвратно выглядят.

Mrs Allerton murmured:

‘I really feel I ought to give up bathing.’

Tim gave a shout of laughter.

‘You? You can give most of the young things points and to spare.’

Mrs Allerton sighed and said,

‘I wish there were a few more young people for you here.’

Tim Allerton shook his head decidedly.

‘I don’t. You and I get along rather comfortably without outside distractions.’

‘You’d like it if Joanna were here.’

‘I wouldn’t.’ His tone was unexpectedly resolute. ‘You’re all wrong there. Joanna amuses me, but I don’t really like her, and to have her around much gets on my nerves. I’m thankful she isn’t here. I should be quite resigned if I were never to see Joanna again.’ He added, almost below his breath: ‘There’s only one woman in the world I’ve got a real respect and admiration for, and I think, Mrs Allerton, you know very well who that woman is.’

His mother blushed and looked quite confused.

Tim said gravely:

‘There aren’t very many really nice women in the world. You happen to be one of them.’

Chapter 9

In an apartment overlooking Central Park in New York Mrs Robson exclaimed:

‘If that isn’t just too lovely! You really are the luckiest girl, Cornelia.’

— Придется, видимо, и мне отказаться от купаний, — пробормотала миссис Аллертон.

Тим расхохотался:

— Это тебе-то? Да ты любую девицу оставишь.

Вздыхнув, миссис Аллертон сказала:

— Тебе бы хорошо тут иметь молодую компанию.

Тим Аллертон решительно замотал головой:

— Ни в коем случае. Мы вполне хорошая компания вдвоем.

— Тебе не хватает Джоанны.

— Ничуть. — Странно, насколько категорично прозвучал его голос. — Ты глубоко заблуждаешься. Джоанна забавляет меня, но теплых чувств я к ней не питаю. Слава богу, что ее тут нет. Исчезни она из моей жизни, я и не замечу. — И совсем тихо добавил: — На всем свете есть только одна женщина, перед которой я преклоняюсь, и, по-моему, миссис Аллертон, ты отлично знаешь, о ком идет речь.

Его мать совсем смешалась и покраснела.

— Не так уж много прекрасных женщин, — глубокомысленно заключил Тим, — и ты одна из них.

Глава 9

В квартире, смотревшей окнами в нью-йоркский Центральный парк, миссис Робсон воскликнула:

— Ну не чудесно ли, скажите! Ты просто счастливица, Корнелия.

Cornelia Robson flushed responsively. She was a big clumsy-looking girl with brown doglike eyes.

‘Oh, it will be wonderful!’ she gasped.

Old Miss Van Schuyler inclined her head in a satisfied fashion at this correct attitude on the part of poor relations.

‘I’ve always dreamed of a trip to Europe,’ sighed Cornelia, ‘but I just didn’t feel I’d ever get there.’

‘Miss Bowers will come with me as usual, of course,’ said Miss Van Schuyler, ‘but as a social companion I find her limited — very limited. There are many little things that Cornelia can do for me.’

‘I’d just love to, Cousin Marie,’ said Cornelia eagerly.

‘Well, well, then that’s settled,’ said Miss Van Schuyler. ‘Just run and find Miss Bowers, my dear. It’s time for my eggnog.’

Cornelia departed. Her mother said:

‘My dear Marie, I’m really *most* grateful to you! You know I think Cornelia suffers a lot from not being a social success. It makes her feel kind of mortified. If I could afford to take her to places — but you know how it’s been since Ned died.’

‘I’m very glad to take her,’ said Miss Van Schuyler. ‘Cornelia has always been a nice handy girl, willing to run errands, and not so selfish as some of these young people nowadays.’

Mrs Robson rose and kissed her rich relative’s wrinkled and slightly yellow face.

В ответ Корнелия Робсон залилась краской. Крупная, угловатая девушка с карими, преданно глядящими глазами.

— Сказочно, — выдохнула она.

Одобрив правильное поведение бедных родственников, престарелая мисс Ван Шуйлер удовлетворенно кивнула.

— Я мечтала побывать в Европе, — вздохнула Корнелия, — но мне казалось, что это никогда не случится.

— Разумеется, я, как обычно, беру с собой мисс Бауэрз, — сказала мисс Ван Шуйлер, — но в качестве компаньонки она не годится, совсем не годится. Корнелия поможет мне разбираться со всякими мелочами.

— С огромной радостью, кузина Мари, — с готовностью отозвалась Корнелия.

— Отлично, значит, договорились, — сказала мисс Ван Шуйлер. — А теперь поищи мисс Бауэрз, дорогая. Мне пора пить эггног.

Корнелия вышла. Ее мать сказала:

— Моя дорогая Мари, я бесконечно тебе благодарна! Мне кажется, Корнелия ужасно страдает, что она такая несветская. Чувствует себя как бы ущербной. Мне бы ее повозить, показать мир, но ты знаешь наши дела после смерти Неда.

— Я очень рада, что беру ее, — сказала мисс Ван Шуйлер. — Корнелия — девушка расторопная, поручения исполняет охотно и не эгоистка, как нынешняя молодежь.

Миссис Робсон поднялась и поцеловала богатую родственницу в морщинистую восковую щеку.

‘I’m just ever so grateful,’ she declared.

On the stairs she met a tall capable-looking woman who was carrying a glass containing a yellow foamy liquid.

‘Well, Miss Bowers, so you’re off to Europe?’

‘Why, yes, Mrs Robson.’

‘What a lovely trip!’

‘Why, yes, I should think it would be very enjoyable.’

‘But you’ve been abroad before?’

‘Oh, yes, Mrs Robson. I went over to Paris with Miss Van Schuyler last fall. But I’ve never been to Egypt before.’

Mrs Robson hesitated.

‘I do hope — there won’t be any — trouble.’

She had lowered her voice. Miss Bowers, however, replied in her usual tone:

‘Oh, *no*, Mrs Robson; I shall take good care of *that*. I keep a very sharp look-out always.’

But there was still a faint shadow on Mrs Robson’s face as she slowly continued down the stairs.

Chapter 10

In his office downtown Mr Andrew Pennington was opening his personal mail. Suddenly his fist clenched itself and came down on his desk with a bang; his face crimsoned and two big veins stood out on his forehead. He pressed a buzzer on his desk and a smart-looking stenographer appeared with commendable promptitude.

— Вечно буду тебе благодарна, — с чувством сказала она.

На лестнице ей встретилась высокая, ответственного вида женщина со стаканом желтого пеннистого напитка.

— Итак, мисс Бауэрз, едете в Европу?

— Выходит, что да, миссис Робсон.

— Прекрасное путешествие!

— Да, похоже, приятная будет поездка.

— Вы ведь были прежде за границей?

— О да, миссис Робсон. Прошлой осенью я ездила с мисс Ван Шуйлер в Париж.

— Надеюсь, — с запинкой выговорила миссис Робсон, — никаких неприятностей не случится.

Она договорила, понизив голос; мисс Бауэрз, напротив, ответила обычным голосом:

— Нет-нет, миссис Робсон, за этим прослежу. Я всегда начеку.

Однако облачко, набежавшее на лицо миссис Робсон, так и оставалось на нем, пока она спускалась по лестнице.

Глава 10

У себя в конторе в центре города мистер Эндрю Пеннингтон разбирал личную корреспонденцию. Вдруг его сжавшийся кулак с грохотом обрушился на стол; лицо налилось кровью, на лбу набухли жилы. Он надавил кнопку звонка, и с похвальной быстротой явилась элегантная секретарша.

‘Tell Mr Rockford to step in here.’

‘Yes, Mr Pennington.’

A few minutes later, Sterndale Rockford, Pennington’s partner, entered the office. The two men were not unlike — both tall, spare, with greying hair and cleanshaven clever faces.

‘What’s up, Pennington?’

Pennington looked up from the letter he was re-reading. He said:

‘Linnet’s married ...’

‘*What?*’

‘You heard what I said! Linnet Ridgeway’s *married!*’

‘How? When? Why didn’t we hear about it?’

Pennington glanced at the calendar on his desk.

‘She wasn’t married when she wrote this letter, but she’s married now. Morning of the fourth. That’s today.’

Rockford dropped into a chair.

‘Whew! No warning! Nothing? Who’s the man?’

Pennington referred again to the letter.

‘Doyle. Simon Doyle.’

‘What sort of a fellow is he? Ever heard of him?’

‘No. She doesn’t say much ...’ He scanned the lines of clear, upright hand writing. ‘Got an idea there’s something hole-and-corner about this business ... That doesn’t matter. The whole point is, she’s married.’

The eyes of the two men met. Rockford nodded.

‘This needs a bit of thinking out,’ he said quietly.

- Скажите мистеру Рокфорду, чтобы пришел.
- Слушаюсь, мистер Пеннингтон.

Через несколько минут в комнату вошел его компаньон, Стерндейл Рокфорд. Компаньоны были одной породы: оба высокие, плотные, седоголовые и чисто выбритые.

- В чем дело, Пеннингтон?

Пеннингтон поднял глаза от письма.

- Линит вышла замуж, — сказал он.

- Что?!

— То, что слышишь: Линит Риджуэй вышла замуж.

- Каким образом? Когда? Почему мы не знали?

Пеннингтон взглянул на настольный календарь.

— Когда она писала письмо, она не была замужем. Но теперь она замужем. С четвертого числа. А это — сегодня.

Рокфорд присвистнул и упал в кресло.

— Не предупредив? Так сразу? Кто он хоть такой?

Пеннингтон заглянул в письмо:

- Дойл. Саймон Дойл.

— Что он собой представляет? Ты когда-нибудь слышал о нем?

— Никогда. И она не особо пишет. — Он пробежал страницу, исписанную четким, прямым почерком. — Сдается мне, тут нечисто... Только это уже неважно. Главное, она замужем.

Они обменялись взглядами. Рокфорд кивнул.

— Надо кое-что обдумать, — ровным голосом сказал он.

‘What are we going to do about it?’

‘I’m asking you.’

The two men sat silent. Then Rockford said:

‘Got any plan?’

Pennington said slowly:

‘The *Normandie* sails today. One of us could just make it.’

‘You’re crazy! What’s the big idea?’

Pennington began: ‘Those Britisher lawyers—’ and stopped.

‘What about ’em. Surely you’re not going over to tackle ’em? You’re mad!’

‘I’m not suggesting that you — or I — should go to England.’

‘What’s the big idea, then?’

Pennington smoothed out the letter on the table.

‘Linnet’s going to Egypt for her honeymoon. Expects to be there a month or more ...’

‘Egypt — eh?’ Rockford considered. Then he looked up and met the other’s glance. ‘Egypt,’ he said; *that’s* your idea!’

‘Yes — a chance meeting. Over on a trip. Linnet and her husband — honeymoon atmosphere. It might be done.’

Rockford said doubtfully:

‘She’s sharp, Linnet is ... but—’

Pennington said softly: ‘I think there might be ways of — managing it.’

Again their eyes met. Rockford nodded.

‘All right, big boy.’

Pennington looked at the clock.

— Что мы собираемся предпринять?

— Об этом я тебя и спрашиваю.

Помолчали. Потом Рокфорд спросил:

— Не придумал?

Пеннингтон врасстяжку сказал:

— Сегодня отплывает «Нормандия». Ты или я можем успеть.

— С ума сошел? Что ты задумал?

— Эти британские стряпчие... — начал Пеннингтон и осекся.

— Бог с ними! Неужели ты поедешь разбираться? Безумец.

— Я вовсе не думаю, чтобы кому-то из нас ехать в Англию.

— А что ты задумал?

Пеннингтон разгладил письмо рукой.

— На медовый месяц Линит едет в Египет. Думает пробыть там месяц, если не больше.

— Хм... Египет?.. — Рокфорд задумался. Потом поднял глаза на собеседника. — Так у тебя Египет на уме? — сказал он.

— Вот-вот: случайная встреча. Где-нибудь в пути. Молодожены... витают в эмпириях. Дело может выгореть.

Рокфорд усомнился:

— Она смекалистая, Линит, хотя...

— Я думаю, — мягко продолжал Пеннингтон, — можно будет справиться — так или иначе.

Они снова обменялись взглядами. Рокфорд кивнул:

— Быть по сему, старина.

Пеннингтон взглянул на часы:

‘We’ll have to hustle — whichever of us is going.’

‘You go,’ said Rockford promptly. ‘You always made a hit with Linnet. “Uncle Andrew.” That’s the ticket!’

Pennington’s face had hardened.

He said: ‘I hope I can pull it off.’

His partner said:

‘You’ve got to pull it off. ‘The situation’s critical...’

Chapter 11

William Carmichael said to the thin, weedy youth who opened the door inquiringly:

‘Send Mr Jim to me, please.’

Jim Fanthorp entered the room and looked inquiringly at his uncle. The older man looked up with a nod and a grunt.

‘Humph, there you are.’

‘You asked for me?’

‘Just cast an eye over this.’

The young man sat down and drew the sheaf of papers towards him. The elder man watched him.

‘Well?’

The answer came promptly.

‘Looks fishy to me, sir.’

Again the senior partner of Carmichael, Grant & Carmichael uttered his characteristic grunt.

Jim Fanthorp reread the letter which had just arrived by air mail from Egypt:

— Тогда кому-то из нас надо пошевеливаться.

— Тебе, — откликнулся Рокфорд. — Ты ее любимчик. «Дядя Эндрю». Чего лучше?

Пеннингтон посуровел лицом.

— Надеюсь, — сказал он, — что-нибудь получится.

— Должно получиться, — сказал компаньон. — Положение критическое...

Глава 11

Вопросительно смотревшему долговязому юноше, открывшему дверь, Уильям Кармайкл сказал:

— Будьте любезны, пришлите ко мне мистера Джима.

Так же вопросительно взглянул на дядю и вошедший потом в комнату Джим Фанторп. Старший, кивнув, крикнул и поднял на него глаза:

— Явился.

— Звали?

— Взгляни-ка.

Молодой человек сел и взял протянутые ему бумаги. Старший не отрываясь смотрел на него.

— Что скажешь?

Ответ последовал незамедлительно:

— Подозрительная история, сэр.

И опять старший компаньон фирмы «Кармайкл, Грант и Кармайкл» характерным образом крикнул.

А Джим Фанторп перечел письмо, пришедшее авиапочтой из Египта.

...It seems wicked to be writing business letters on such a day. We have spent a week at Mena House and made an expedition to the Fayum. The day after tomorrow we are going up the Nile to Luxor and Aswan by steamer, and perhaps on to Khartoum. When we went into Cook's this morning to see about our tickets who do you think was the first person I saw?—my American trustee, Andrew Pennington. I think you met him two years ago when he was over. I had no idea he was in Egypt and he had no idea that I was! Nor that I was married! My letter, telling him of my marriage, must just have missed him. He is actually going up the Nile on the same trip that we are. Isn't it a coincidence? Thank you so much for all you have done in this busy time. I—

As the young man was about to turn the page, Mr Carmichael took the letter from him.

'That's all,' he said. 'The rest doesn't matter. Well, what do you think?'

«...Большой грех — писать в такой день деловые письма. Мы жили неделю в «Мена-Хаус», ездили в Эль-Файюм¹. Послезавтра мы собираемся пароходом подняться по Нилу до Луксора² и Асуана³, а может, и до Хартума⁴. Когда мы сегодня утром зашли в Бюро Кука⁵ насчет билетов, кого, Вы думаете, мы там увидели? Моего американского опекуна, Эндрю Пеннингтона! Мне кажется, Вы его видели два года назад, когда он приезжал в Англию. Я не знала, что он в Египте, и он не знал, что я тут! Еще он не знал, что я замужем! Должно быть, он разминулся с моим письмом, где я писала ему о своем замужестве. Оказывается, он отправляется в то же самое плавание по Нилу, что и мы. Бывают же такие совпадения! Большое спасибо за то, что при Вашей загруженности Вы находите время и для меня. Я...»

Молодой человек перевернул страницу, но тут мистер Кармайкл забрал письмо.

— Достаточно, — сказал он. — Остальное не суть важно. Что ты думаешь обо всем этом?

¹ Эль-Файюм — крупный город на севере Египта, неподалеку от которого находится древний город Кракадилополис, активно посещаемый иностранными туристами.

² Луксор — город в Египте, на территории древних Фив, в среднем течении реки Нил; основная достопримечательность — храм богов Амона Ра, Мут, Хонсу (XVI—IV вв. до н.э.), соединенный аллеей сфинксов с комплексом древнеегипетских храмов Карнак, названных по одноименному арабскому селению.

³ Асуан — крупный город на юге Египта, порт на реке Нил, климатический курорт.

⁴ Хартум — столица Судана, расположен у слияния в Нил рек Белый Нил и Голубой Нил.

⁵ Бюро Кука — туристическое агентство, имеющее отделения во многих странах.

His nephew considered for a moment — then he said:

‘Well — I think — not a coincidence ...’

The other nodded approval.

‘Like a trip to Egypt?’ he barked out.

‘You think that’s advisable?’

‘I think there’s no time to lose.’

‘But, why me?’

‘Use your brains, boy; use your brains. Linnet Ridgeway has never met you; no more has Pennington. If you go by air you may get there in time.’

‘I — I don’t like it, sir. What am I to do?’

‘Use your eyes. Use your ears. Use your brains — if you’ve got any. And if necessary — act.’

‘I — I don’t like it.’

‘Perhaps not — but you’ve got to do it.’

‘It’s — necessary?’

‘In my opinion,’ said Mr Carmichael, ‘it’s absolutely vital.’

Chapter 12

Mrs Otterbourne, readjusting the turban of local material that she wore draped round her head, said fretfully:

‘I really don’t see why we shouldn’t go on to Egypt. I’m sick and tired of Jerusalem.’

As her daughter made no reply, she said:

‘You might at least answer when you’re spoken to.’

Племянник минуту подумал и сказал:

— Не совпадение это, я думаю...

Собеседник согласно кивнул.

— Хочешь в Египет? — вдруг гаркнул он.

— Вы полагаете, есть смысл?

— Я полагаю, что нам нельзя зевать.

— Но почему — я?

— Пошевели мозгами, сынок. Линит Риджуэй тебя никогда не видела, как и Пеннингтон. Самолетом ты еще можешь застать их.

— М-м... мне это не нравится, сэр. Что я должен делать?

— Смотреть глазами. Слушать ушами. Шевелить мозгами, если они у тебя есть. И если нужно — действовать.

— М-м... мне это не нравится.

— Допускаю, но делать нечего.

— Это действительно необходимо?

— Это крайне необходимо, — сказал мистер Кармайкл, — так мне представляется.

Глава 12

Поправляя туземную тряпку, в виде тюрбана обернутую вокруг головы, миссис Оттерборн капризно сказала:

— Я все-таки не понимаю, почему нам не поехать в Египет. Мне осточертел Иерусалим.

Не получив от дочери ответа, она добавила:

— Отвечай все-таки, когда к тебе обращаются.

Rosalie Otterbourne was looking at a newspaper reproduction of a face. Below it was printed:

Mrs Simon Doyle, who before her marriage was the well-known society beauty, Miss Linnet Ridgeway. Mr and Mrs Doyle are spending their honeymoon in Egypt.

Rosalie said, 'You'd like to move on to Egypt, Mother?'

'Yes, I would,' Mrs Otterbourne snapped. 'I consider they've treated us in a most cavalier fashion here. My being here is an advertisement — I ought to get a special reduction in terms. When I hinted as much, I consider they were most impertinent — *most* impertinent. I told them exactly what I thought of them.'

The girl sighed. She said:

'One place is very like another. I wish we could get right away.'

'And this morning,' went on Mrs Otterbourne, 'the manager actually had the impertinence to tell me that all the rooms had been booked in advance and that he would require ours in two days' time.'

'So we've got to go somewhere.'

'Not at all. I'm quite prepared to fight for my rights.'

Rosalie murmured: 'I suppose we might as well go on to Egypt. It doesn't make any difference.'

'It's certainly not a matter of life or death,' said Mrs Otterbourne.

But there she was quite wrong — for a matter of life and death was exactly what it was.

Розали Оттерборн смотрела на фотографию в газете, под которой было напечатано:

«Миссис Саймон Дойл, до замужества известная светская красавица Линит Риджуэй. Мистер и миссис Дойл сейчас отдыхают в Египте».

— Тебе хочется в Египет, мама? — сказала Розали.

— Да, хочется, — отрезала миссис Оттерборн. — Я считаю, с нами обращаются по-хамски. Для них реклама, что я тут остановилась, и мне полагаются определенные уступки. Но стоило мне об этом заикнуться, как они повели себя *совершенно* наглым образом. Я им напрямую высказала все, что думаю о них.

Девушка вздохнула.

— Да все равно на что смотреть, — сказала она. — Давай не откладывая уедем.

— А сегодня утром, — продолжала миссис Оттерборн, — управляющий имел наглость сказать мне, что комнаты заказываются заранее и, например, наши потребуются ему через два дня.

— Значит, все равно надо куда-то уезжать.

— Отнюдь нет. Я еще поборюсь за свои права.

— Вполне можно поехать и в Египет. Какая разница.

— Безусловно, это не вопрос жизни и смерти, — согласилась с ней миссис Оттерборн.

Тут она сильно ошибалась: это был именно вопрос жизни и смерти.

Part two

EGYPT

Chapter 1

‘That’s Hercule Poirot, the detective,’ said Mrs Allerton.

She and her son were sitting in brightly painted scarlet basket chairs outside the Cataract Hotel in Aswan. They were watching the retreating figures of two people — a short man dressed in a white silk suit and a tall slim girl.

Tim Allerton sat up in an unusually alert fashion.

‘That funny little man?’ he asked incredulously.

‘That funny little man!’

‘What on earth’s he doing out here?’ Tim asked.

His mother laughed.

‘Darling, you sound quite excited. Why do men enjoy crime so much? I hate detective stories and never read them. But I don’t think Monsieur Poirot is here with any ulterior motive. He’s made a good deal of money and he’s seeing life, I fancy.’

Часть II

ЕГИПЕТ

Глава 1

— Это Эркюль Пуаро, детектив, — сказала миссис Аллертон.

Они сидели с сыном в ярко-красных плетеных креслах перед отелем «У водоската» в Асуане. Две удаляющиеся фигуры привлекли их внимание: невысокий мужчина в белом чесучовом¹ костюме и долговязая девица.

С несвойственной для него живостью Тим Аллертон выпрямился в кресле.

— Этот смешной коротышка? — недоверчиво спросил он.

— Да, этот смешной коротышка.

— А что он тут делает, интересно знать? — спросил Тим.

Мать рассмеялась:

— Смотри, как ты возбудился! Почему мужчин так влечет к себе преступление? Я ненавижу детективные романы и никогда не беру их в руки. Я не думаю, что месье Пуаро находится тут с какой-то тайной целью. Он составил себе немалое состояние и теперь просто живет в свое удовольствие, я полагаю.

¹ Чесуча — плотная шелковая ткань.

‘Seems to have an eye for the best-looking girl in the place.’

Mrs Allerton tilted her head a little on one side as she considered the retreating backs of M. Poirot and his companion.

The girl by his side overtopped him by some three inches. She walked well, neither stiffly nor slouchingly.

‘I suppose she *is* quite good-looking,’ said Mrs Allerton.

She shot a little glance sideways at Tim. Somewhat to her amusement the fish rose at once.

‘She’s more than quite. Pity she looks so bad-tempered and sulky.’

‘Perhaps that’s just expression, dear.’

‘Unpleasant young devil, I think. But she’s pretty enough.’

The subject of these remarks was walking slowly by Poirot’s side. Rosalie Otterbourne was twirling an unopened parasol, and her expression certainly bore out what Tim had just said. She looked both sulky and bad-tempered. Her eyebrows were drawn together in a frown, and the scarlet line of her mouth was drawn downwards.

They turned to the left out of the hotel gate and entered the cool shade of the public gardens.

Hercule Poirot was prattling gently, his expression that of beatific good humour. He wore a white silk suit, carefully pressed, and a panama hat, and carried a highly ornamental fly whisk with a sham amber handle.

‘—it enchants me,’ he was saying. ‘The black

— Во всяком случае, он высмотрел тут самую привлекательную девушку.

Чуть склонив голову набок, миссис Аллертон задумчиво провожала взглядом удалявшихся Пуаро и его спутницу.

Та была дюйма на три повыше его. Она хорошо держится — не скованно и не горбясь.

— Она таки *весьма* привлекательна, — сказала миссис Аллертон.

Она искоса глянула на Тима. Даже смешно, как он сразу клюнул.

— Не то слово. Жаль только, вид у нее злой и надутый.

— Может, это напускное.

— Да нет, она стервоза. Хотя и привлекательная.

Между тем героиня их беседы плелась рядом с Пуаро, крутя нераскрытый зонтик, и имела на лице то самое выражение, что отметил Тим: надутое и злое. Брови нахмурены, опущены углы ярко-алых губ.

Выйдя из ворот, они повернули налево и углубились под сень прохладного парка.

Лицо Эркюля Пуаро излучало добродушие, неспешно журчала его речь. Белый, отлично выглаженный чесучовый костюм, панама, в руке богато изукрашенная мухобойка с набалдашником из искусственного янтаря.

— Я очарован, — говорил он. — Черные скалы

rocks of Elephantine, and the sun, the little boats on the river. Yes, it is good to be alive.' He paused and then added: 'You do not find it so, Mademoiselle?'

Rosalie Otterbourne said shortly:

'It's all right, I suppose. I think Aswan's a gloomy sort of place. The hotel's half empty, and everyone's about a hundred—'

She stopped — biting her lip.

Hercule Poirot's eyes twinkled.

'It is true, yes, I have one leg in the grave.'

'I—I wasn't thinking of you,' said the girl. 'I'm sorry. That sounded rude.'

'Not at all. It is natural you should wish for young companions of your own age. Ah, well, there is *one* young man, at least.'

'The one who sits with his mother all the time? I like *her* — but I think he looks dreadful — so conceited!'

Poirot smiled.

'And I — am I conceited?'

'Oh, I don't think so.'

She was obviously uninterested — but the fact did not seem to annoy Poirot. He merely remarked with placid satisfaction:

'My best friend says that I am very conceited.'

'Oh, well,' said Rosalie vaguely, 'I suppose you have something to be conceited about. Unfortunately crime doesn't interest me in the least.'

Слонового острова¹, солнце, челны на реке. Нет, жить — это хорошо. — Помолчав, он добавил: — Вы не находите, мадемуазель?

— Почему же нет? — кратко ответила Розали Оттерборн. — Только уныло здесь, в Асуане. Отель наполовину пуст, а те, кто есть, столетние...

Она оборвала себя, прикусив губу.

В его глазах зажглись огоньки.

— Совершенная правда, я сам одной ногой в могиле.

— Я... не вас имела в виду, — сказала девушка. — Извините. Некрасиво получилось.

— Ничего страшного. Это нормально, что вам нужны ровесники для компании. Постойте, по крайней мере один молодой человек имеется.

— Это тот, что ни на шаг не отходит от своей матери? Она мне нравится, а он, по-моему, ужасный — такой самодовольный!

Пуаро улыбнулся:

— А я — самодовольный?

— Нет, я бы не сказала.

Ясно, ей это безразлично, но Пуаро не стал обижаться, а со спокойным удовлетворением заметил:

— Мой лучший друг говорит, что я очень доволен.

— Может быть, — рассеянно сказала Розали, — чем-то, наверное, вы можете быть довольны. Меня, к сожалению, совсем не интересуют преступления.

¹ Слоновый остров — на Ниле напротив Асуана.

Poirot said solemnly:

‘I am delighted to learn that you have no guilty secret to hide.’

Just for a moment the sulky mask of her face was transformed as she shot him a swift questioning glance. Poirot did not seem to notice it as he went on.

‘Madame, your mother, was not at lunch today. She is not indisposed, I trust?’

‘This place doesn’t suit her,’ said Rosalie briefly. ‘I shall be glad when we leave.’

‘We are fellow passengers, are we not? We both make the excursion up to Wadi Halfa and the Second Cataract?’

‘Yes.’

They came out from the shade of the gardens on to a dusty stretch of road bordered by the river. Five watchful bead sellers, two vendors of postcards, three sellers of plaster scarabs, a couple of donkey boys and some detached but hopeful infantile riff-raff closed in upon them.

‘You want beads, sir? Very good, sir. Very cheap...’

‘Lady, you want scarab? Look — great queen — very lucky ...’

‘You look, sir — real lapis. Very good, very cheap...’

‘You want ride donkey, sir? This very good donkey. This donkey Whiskey and Soda, sir ...’

На это Пуаро с серьезным видом ответил:

— Рад узнать, что вам нет нужды скрывать что бы то ни было.

На секунду ее лицо оживилось, когда она вопросительно стрельнула в его сторону глазами. Словно не заметив этого, Пуаро продолжал:

— А что, ваша матушка не выходила к ленчу? Не потому, что нездоровится, надеюсь?

— Не нравится ей тут, — коротко ответила Розали. — Я не дождусь, когда мы уедем.

— Мы ведь вместе плывем, не так ли? Вместе поднимемся до Вади-Хальфа и Второго порога?¹

— Да.

Из тенистого парка они вышли на пыльное полотно прибрежной дороги. Их тут же облепили глазастые продавцы бус, почтовых открыток, гипсовых скарабеев, пара мальчишек с осликами и ватага просто назойливых юных бездельников.

— Хотите бусы, сэр? Очень хорошие, сэр. Очень дешево...

— Хотите скарабея, леди? Смотрите: великая царица приносит счастье...

— Смотрите, сэр: настоящий лазурит². Очень хороший, очень дешево...

— Хотите ослика для поездки, сэр? Это очень хороший ослик. Этого ослика зовут Виски-сода, сэр...

¹ Вади-Хальф — город на севере современного Судана в низовьях Второго порога — одного из шести порогов на Ниле.

² Лазурит — ценный поделочный минерал синего (кобальт) цвета.

‘You want to go granite quarries, sir? This very good donkey. Other donkey very bad, sir, that donkey fall down . . .’

‘You want postcard — very cheap — very nice ...’

‘Look, lady ... Only ten piastres — very cheap — lapis — this ivory ...’

‘This very good fly whisk — this all amber ...’

‘You go out in boat, sir? I got very good boat, sir ...’

‘You ride back to hotel, lady? This first-class donkey . . .’

Hercule Poirot made vague gestures to rid himself of this human cluster of flies. Rosalie stalked through them like a sleep walker.

‘It’s best to pretend to be deaf and blind,’ she remarked.

The infantile riff-raff ran alongside murmuring plaintively:

‘Bakshish? Bakshish? Hip hip hurrah — very good, very nice ...’

Their gaily coloured rags trailed picturesquely, and the flies lay in clusters on their eyelids. They were the most persistent. The others fell back and launched a fresh attack on the next corner. Now Poirot and Rosalie only ran the gauntlet of the shops — suave, persuasive accents here...

‘You visit my shop today, sir?’

‘You want that ivory crocodile, sir?’

— Хотите поехать в гранитный карьер, сэр? Вот очень хороший ослик. Тот ослик очень плохой, сэр, он падает...

— Хотите открытки, очень дешево, очень красиво...

— Смотрите, леди... Всего десять пиастров...¹ очень дешево... лазурит... вот слоновая кость...

— Вот очень хорошая мухобойка — это все из янтаря...

— Вам требуется лодка, сэр? У меня очень хорошая лодка, сэр...

— Хотите вернуться верхом в отель, леди? Вот первоклассный ослик...

Помахивая рукой, Эркюль Пуаро отбивался от липнущего человеческого роя. Розали шла сквозь толпу людей как сомнамбула.

— Лучше всего притвориться слепой и глухой, — заметила она.

Юные бездельники трусили сбоку, канюча:

— Бакшиш!² Бакшиш! Гип-гип-ура! Очень хорошие, очень красивые...

Они живописно трясли своими пестрыми лохмотьями, на ресницах гроздьями сидели мухи. Эти были самые назойливые. Другие отстали и уже взяли в оборот очередного путника. Теперь, под вкрадчивые уговоры, Пуаро и Розали выдерживали магазинный искуc.

— Не зайдете в мою лавку, сэр?

— Не хотите крокодила из слоновой кости, сэр?

¹ П и а с т р — разменная монета в Египте.

² Подарок! (*перс.*)

‘You not been in my shop yet, sir? I show you very beautiful things.’

They turned into the fifth shop and Rosalie handed over several rolls of film — the object of the walk.

Then they came out again and walked towards the river’s edge.

One of the Nile steamers was just mooring. Poirot and Rosalie looked interestedly at the passengers.

‘Quite a lot, aren’t there?’ commented Rosalie.

She turned her head as Tim Allerton came up and joined them. He was a little out of breath as though he had been walking fast. They stood there for a moment or two, and then Tim spoke.

‘An awful crowd as usual, I suppose,’ he remarked disparagingly, indicating the disembarking passengers.

‘They’re usually quite terrible,’ agreed Rosalie. All three wore the air of superiority assumed by people who are already in a place when studying new arrivals.

‘Hallo!’ exclaimed Tim, his voice suddenly excited. ‘I’m damned if that isn’t Linnet Ridgeway.’

If the information left Poirot unmoved, it stirred Rosalie’s interest. She leaned forward and her sulki-ness quite dropped from her as she asked:

‘Where? That one in white?’

‘Yes, there with the tall man. They’re coming ashore now. He’s the new husband, I suppose. Can’t remember her name now.’

‘Doyle,’ said Rosalie. ‘Simon Doyle. It was in all the newspapers. She’s simply rolling, isn’t she?’

— Вы не были у меня в лавке, сэр? Я покажу вам очень красивые вещи.

Зашли они только в пятую лавку, где Розали взяла несколько фотопленок, ради чего и была затеяна эта прогулка.

Выйдя, они направились к берегу реки.

Как раз швартовался нильский пароход. Пуаро и Розали с интересом глазели на пассажиров.

— Порядочно их, правда? — заметила Розали.

Она обернулась к подошедшему Тиму Аллертону. Тот запыхался от спешки. Постояв минуту-другую, Тим заговорил.

— Видимо, такая же жуткая публика, как всегда, — пренебрежительно обронил он, кивнув в сторону высаживавшихся пассажиров.

— Они обычно все кошмарные, — согласилась Розали. Все трое взирали на вновь прибывших с превосходством уже обжившихся на месте людей.

— Ба! — возбужденно воскликнул Тим. — Разрази меня гром, если это не Линит Риджуэй!

Оставив равнодушным Пуаро, эта новость сильно заинтересовала Розали. Брюзгливость разом сошла с ее лица, когда она спросила:

— Где? Вон та в белом?

— Ага, рядом с высоким мужчиной. Это они сейчас сходят. Новоиспеченный муж, я полагаю. Забыл, как ее теперь величают.

— Дойл, — сказала Розали, — миссис Саймон Дойл. О них писали во всех газетах. Она в самом деле богачка?

‘Only about the richest girl in England,’ said Tim cheerfully.

The three lookers-on were silent watching the passengers come ashore. Poirot gazed with interest at the subject of the remarks of his companions. He murmured:

‘She is beautiful.’

‘Some people have got everything,’ said Rosalie bitterly.

There was a queer grudging expression on her face as she watched the other girl come up the gangplank.

Linnet Doyle was looking as perfectly turned out as if she were stepping on to the centre of the stage in a revue. She had something too of the assurance of a famous actress. She was used to being looked at, to being admired, to being the centre of the stage wherever she went.

She was aware of the keen glances bent upon her — and at the same time almost unaware of them; such tributes were part of her life.

She came ashore playing a role, even though she played it unconsciously. The rich, beautiful society bride on her honeymoon. She turned, with a little smile and a light remark, to the tall man by her side. He answered, and the sound of his voice seemed to interest Hercule Poirot. His eyes lit up and he drew his brows together.

The couple passed close to him. He heard Simon Doyle say:

‘We’ll try and make time for it, darling. We can easily stay a week or two if you like it here.’

— Да, пожалуй, из богатейших девиц в Англии, — весело отозвался Тим.

Все трое молча смотрели на сходивших пассажиров. Особа, о которой шла речь, обратила на себя внимание Пуаро.

— Красивая, — пробормотал он.

— Некоторым все достается, — с горечью сказала Розали.

Ее лицо перекосила зависть, когда она смотрела, как та, другая, шла по сходам.

Линит Доил выглядела так, что хоть сейчас в премьерши какого-нибудь ревю. Она и держалась с уверенностью обласканной славой артистки. Она привыкла, что на нее смотрят, восхищаются ею, привыкла быть в центре внимания.

Она знала, что на нее устремлены жадные взоры, и как бы не замечала их: она принимала это как должное.

И сейчас, даже не отдавая себе в этом отчета, она играла роль: богатая светская красавица-новобрачная проводит свой медовый месяц. С легкой улыбкой она что-то вскользь сказала высокому спутнику. Тот ответил, и при звуке его голоса Эркюль Пуаро насторожился. Под сведенными бровями сверкнули его глаза.

Пара прошла совсем близко. Он услышал, как Саймон Доил говорил:

— Если постараться, мы успеем, дорогая. Ничто не мешает задержаться на неделю-другую, раз тебе тут нравится.

His face was turned towards her, eager, adoring, a little humble.

Poirot's eyes ran over him thoughtfully — the square shoulders, the bronzed face, the dark blue eyes, the rather childlike simplicity of the smile.

'Lucky devil,' said Tim after they had passed. 'Fancy finding an heiress who hasn't got adenoids and flat feet!'

'They look frightfully happy,' said Rosalie with a note of envy in her voice. She said suddenly, but so low that Tim did not catch the words: 'It isn't fair.'

Poirot heard, however. He had been frowning somewhat perplexedly, but now he flashed a quick glance towards her.

Tim said:

'I must collect some stuff for my mother now.'

He raised his hat and moved off. Poirot and Rosalie retraced their steps slowly in the direction of the hotel, waving aside fresh proffers of donkeys.

'So it is not fair, Mademoiselle?' asked Poirot gently.

The girl flushed angrily.

'I don't know what you mean.'

'I am repeating what you said just now under your breath. Oh, yes, you did.'

Rosalie Otterbourne shrugged her shoulders.

'It really seems a little too much for one person. Money, good looks, marvellous figure and—'

She paused and Poirot said:

'And love? Eh? And love? But you do not know — she may have been married for her money!'

Он глядел на нее жарко, любяще, преданно.

Пуаро задумчиво смерил его глазами: широкие плечи, бронзовое от загара лицо, темно-голубые глаза, детская открытость улыбки.

— Счастливчик, — сказал им вслед Тим. — Подцепить наследницу без аденоидов и плоско-стопия!

— Смотрятся они страшно счастливыми, — с ноткой зависти сказала Розали и неслышно для Тима добавила: — Несправедливо.

А Пуаро услышал. Согнав с лица нахмуренную озабоченность, он мельком взглянул на нее.

— Пойду представлю маме сводку, — сказал Тим.

Он приподнял шляпу и ушел. Пуаро и Розали неспешно тронулись в обратный путь к отелю, отмахиваясь от новых предложений проехаться на осликах.

— Несправедливо, значит, мадемуазель? — мягко спросил Пуаро.

Девушка зло покраснела:

— Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Я просто повторяю ваши слова. Не отпирайтесь.

Розали Оттерборн пожала плечами:

— Действительно многовато для одного человека: деньги, внешность, фигура и...

Она умолкла, и Пуаро договорил за нее:

— И еще любовь, да? Но откуда вы знаете — вдруг он женился на ее деньгах?

‘Didn’t you see the way he looked at her?’

‘Oh, yes, Mademoiselle. I saw all there was to see — indeed I saw something that you did not.’

‘What was that?’

Poirot said slowly:

‘I saw, Mademoiselle, dark lines below a woman’s eyes. I saw a hand that clutched a sunshade so tight that the knuckles were white...’

Rosalie was staring at him.

‘What do you mean?’

‘I mean that all is not the gold that glitters — I mean that though this lady is rich and beautiful and beloved, there is all the same *something* that is not right. And I know something else.’

‘Yes?’

‘I know,’ said Poirot, frowning, ‘that somewhere, at some time, *I have heard that voice before* — the voice of Monsieur Doyle — and I wish I could remember where.’

But Rosalie was not listening. She had stopped dead. With the point of her sunshade she was tracing patterns in the loose sand. Suddenly she broke out fiercely:

‘I’m odious. I’m quite odious. I’m just a beast through and through. I’d like to tear the clothes off her back and stamp on her lovely, arrogant, self-confident face. I’m just a jealous cat — but that’s what I feel like. She’s so horribly successful and poised and assured.’

Hercule Poirot looked a little astonished by the outburst. He took her by the arm and gave her a friendly little shake.

— Разве вы не видели, как он смотрел на нее?

— Я видел, мадемуазель. Я видел все, что полагалось увидеть, и чуточку больше.

— Что же именно?

Пуаро медленно выговорил:

— Я видел темные круги под ее глазами. Я видел, как побелели костяшки пальцев на ручке зонтика...

Розали заглянула ему в глаза:

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что не все то золото, что блестит. Я хочу сказать, что, хотя эта дама богата, красива и любима, не все там благополучно. И еще я кое-что знаю.

— Неужели?

— Я знаю, — сказал Пуаро хмурясь, — что где-то я уже слышал этот голос — голос месье Дойла, и мне очень хочется вспомнить — где.

Но Розали уже не слушала. Она замерла на месте. Концом зонтика она чертила узоры на рыхлом песке. Потом ее прорвало:

— Я — гадина. Гнусная, отвратительная гадина. Я готова содрать с нее платье и топтать ее прекрасное, надменное, самоуверенное лицо. Я просто ревнивая кошка и ничего не могу поделать с собой. Она дьявольски везучая, такая выдержанная и уверенная в себе.

Эркуль Пуаро был отчасти озадачен этой истерической вспышкой. Он взял ее под руку, дружески тряхнул:

‘*Tenez* — you will feel better for having said that!’

‘I just hate her! I’ve never hated anyone so much at first sight.’

‘Magnificent!’

Rosalie looked at him doubtfully. Then her mouth twitched and she laughed.

‘*Bien*,’ said Poirot, and laughed too.

They proceeded amicably back to the hotel.

‘I must find Mother,’ said Rosalie, as they came into the cool dim hall.

Poirot passed out on the other side on to the terrace overlooking the Nile. Here were little tables set for tea, but it was early still. He stood for a few moments looking down on to the river, then strolled down through the gardens.

Some people were playing tennis in the hot sun. He paused to watch them for a while, then went on down the steep path. It was there, sitting on a bench overlooking the Nile, that he came upon the girl of *Chez Ma Tante*. He recognized her at once. Her face, as he had seen it that night, was securely etched upon his memory. The expression on it now was very different. She was paler, thinner, and there were lines that told of a great weariness and misery of spirit.

He drew back a little. She had not seen him, and he watched her for a while without her suspecting his presence. Her small foot tapped impatiently on the ground. Her eyes, dark with a kind of smouldering fire, had a queer kind of suffering dark triumph in them. She was looking out across the Nile where the white-sailed boats glided up and down the river.

— Tenez¹ — выговоритесь, и вам станет легче.

— Ненавижу ее! Впервые так ненавижу человека с первого взгляда.

— Превосходно!

Она подозрительно взглянула на него. У нее дрогнули губы, и она рассмеялась.

— Bien², — сказал Пуаро, также рассмеявшись.

И они мирно направились дальше к отелю.

— Мне надо найти маму, — сказала Розали, когда они вошли в прохладный, сумрачный холл.

Пройдя холл, Пуаро вышел на террасу с видом на Нил. Несмотря на раннее время, столики были накрыты к чаю. Поглядев на реку, он спустился побродить по парку.

Там играли в теннис под палящим солнцем. Он задержался посмотреть, потом сошел крутой тропкой вниз. На скамейке лицом к Нилу сидела та самая девушка, что он видел в ресторане «У тетюшки». Он сразу узнал ее. В его памяти отчетливо запечатлелось ее лицо, и как же оно переменялось! Бледное, исхудавшее, с печатью неизбывной скуки и подавленности.

Он чуть отступил назад. Не замеченный ею, он мог смотреть без помех. Она нетерпеливо постукивала по земле ножкой. Глаза, как бы подернутые дымкой, вдруг странно оживляла горькая радость. Она смотрела прямо перед собой, на Нил, где скользили барки под белыми парусами.

¹ Ну вот (*фр.*).

² Хорошо (*фр.*).

A face — and a voice. He remembered them both. This girl's face and the voice he had heard just now, the voice of a newly made bridegroom...

And even as he stood there considering the unconscious girl, the next scene in the drama was played.

Voices sounded above. The girl on the seat started to her feet. Linnet Doyle and her husband came down the path. Linnet's voice was happy and confident. The look of strain and tenseness of muscle had quite disappeared, Linnet was happy.

The girl who was standing there took a step or two forward. The other two stopped dead.

'Hallo, Linnet,' said Jacqueline de Bellefort. 'So here you are! We never seem to stop running into each other. Hallo, Simon, how are you?'

Linnet Doyle had shrunk back against the rock with a little cry. Simon Doyle's good-looking face was suddenly convulsed with rage. He moved forward as though he would have liked to strike the slim girlish figure.

With a quick birdlike turn of her head she signalled her realization of a stranger's presence. Simon turned his head and noticed Poirot.

He said awkwardly:

'Hullo, Jacqueline; we didn't expect to see you here.'

The words were unconvincing in the extreme. The girl flashed white teeth at them.

'Quite a surprise?' she asked. Then, with a little nod, she walked up the path.

Тот голос, это лицо — да, он вспомнил их. Вспомнил лицо этой девушки и только что услышанный голос новоиспеченного мужа.

Он следил за ничего не подозревавшей девушкой, а между тем в драме игралась очередная сцена.

Сверху слышались голоса. Девушку точно ветром сдуло с места. По тропке сходили Линит Дойл с мужем. Счастье и уверенность звенели в ее голосе. Ни следа недавнего напряжения и скованности в фигуре. Она была счастлива.

Та девушка сделала пару шагов им навстречу, и они пораженно застыли.

— Привет, Линит, — сказала Жаклин де Бельфор. — И ты тут, оказывается. Похоже, мы так и будем всю жизнь сталкиваться лицом к лицу. Привет, Саймон! Как поживаешь?

Вскрикнув, Линит отпрянула и вжалась в скалу. Красивое лицо Саймона Дойла гневно передернулось. Он двинулся вперед, словно намереваясь смести с дороги это худенькое тельце.

По-птичьи дернув головой в сторону, она показала, что не одинока здесь. Саймон тоже повернулся и увидел Пуаро.

— Привет, Жаклин, — неловко сказал он. — Не думали тебя тут встретить.

Слова прозвучали совершенно неубедительно. Девушка сверкнула белозубой улыбкой.

— Полная неожиданность? — спросила она. Потом, едва заметно кивнув, ушла вверх по тропинке.

Poirot moved delicately in the opposite direction. As he went, he heard Linnet Doyle say:

‘Simon — for God’s sake — Simon — what can we do?’

Chapter 2

Dinner was over. The terrace outside the Cataract Hotel was softly lit. Most of the guests staying at the hotel were there sitting at little tables.

Simon and Linnet Doyle came out, a tall distinguished looking grey-haired man with a keen clean-shaven American face beside them. As the little group hesitated for a moment in the doorway, Tim Allerton rose from his chair nearby and came forward.

‘You don’t remember me, I’m sure,’ he said pleasantly to Linnet, ‘but I’m Joanna Southwood’s cousin.’

‘Of course — how stupid of me. You’re Tim Allerton. This is my husband’—a faint tremor in the voice, pride, shyness?—‘and this is my American trustee, Mr Pennington.’

Tim said:

‘You must meet my mother.’

A few minutes later they were sitting together in a party — Linnet in the corner, Tim and Pennington each side of her, both talking to her, vying for her attention. Mrs Allerton talked to Simon Doyle.

The swing doors revolved. A sudden tension came into the beautiful upright figure sitting in the corner between the two men. Then it relaxed as a small man came out and walked across the terrace.

Из деликатности Пуаро двинулся в противоположную сторону. Уходя, он слышал, как Линит Дойл сказала:

— Боже мой, Саймон! Что же нам делать, Саймон?

Глава 2

Ужин кончился. Открытая веранда отеля «У водоската» была мягко освещена. За столиками собрались почти все постояльцы.

Появились Саймон и Линит Дойл и с ними высокий, представительный седоголовый господин со свежевыбритым, американской выделки острым лицом. Пока они мешкали в дверях, Тим Аллертон встал из-за столика и направился к ним.

— Вы, разумеется, не помните меня, — учтиво сказал он. — Я кузен Джоанны Саутвуд.

— Ну конечно, какая я глупая! Вы — Тим Аллертон. А это мой муж. — Голос ее чуть дрогнул (от гордости? от застенчивости?). — И мой американский опекун, мистер Пеннингтон.

— Разрешите познакомить вас с моей мамой, — сказал Тим.

Несколько минут спустя они все сидели одной компанией: в углу Линит, по обе стороны от нее соловьями разливались Тим и Пеннингтон. Миссис Аллертон разговаривала с Саймоном Дойлом.

Открылась дверь. Прелестная фигурка в углу напряглась. И тут же расслабилась, когда вошел и пересек веранду невысокого роста мужчина.

Mrs Allerton said:

‘You’re not the only celebrity here, my dear. That funny little man is Hercule Poirot.’

She had spoken lightly, just out of instinctive social tact to bridge an awkward pause, but Linnet seemed struck by the information.

‘Hercule Poirot? Of course — I’ve heard of him...’

She seemed to sink into a fit of abstraction. The two men on either side of her were momentarily at a loss.

Poirot had strolled across to the edge of the terrace, but his attention was immediately solicited.

‘Sit down, Monsieur Poirot. What a lovely night!’

He obeyed.

‘*Mais oui, Madame*, it is indeed beautiful.’

He smiled politely at Mrs Otterbourne. What draperies of black ninon and that ridiculous turban effect! Mrs Otterbourne went on in her high complaining voice:

‘Quite a lot of notabilities here now, aren’t there? I expect we shall see a paragraph about it in the papers soon. Society beauties, famous novelists—’

She paused with a slight mock-modest laugh.

Poirot felt, rather than saw, the sulky frowning girl opposite him flinch and set her mouth in a sulkier line than before.

‘You have a novel on the way at present, Madame?’ he inquired.

Mrs Otterbourne gave her little self-conscious laugh again.

Миссис Аллертон сказала:

— Вы тут не единственная знаменитость, дорогая. Этот смешной человек — Эркюль Пуаро.

Она сказала это между прочим, как светская дама, желая заполнить неловкую паузу, однако сообщение живо заинтересовало Линит.

— Эркюль Пуаро? Ну как же, я слышала о нем.

Она погрузилась в задумчивость, и сидевшие по обе стороны мужчины сразу увяли.

Пуаро был уже у края веранды, когда вдруг затребовали его внимания.

— Присядьте, месье Пуаро. Какой прекрасный вечер.

Он послушно сел.

— Mais oui, Madame¹, действительно красиво.

Он любезно улыбнулся миссис Оттерборн. Зрелище было впечатляющее: черная шелковая хламида и дурацкий тюрбан на голове. Миссис Оттерборн брюзгливо продолжала:

— Сколько знаменитостей подобралось! По нас сучает газетная хроника. Светские красавицы, известные романистки...

Она хохотнула с деланой скромностью.

Пуаро даже не увидел, а почувствовал, как передернулась сидевшая напротив сумрачная девица, еще больше покрасневшая.

— У вас сейчас есть в работе роман, мадам? — поинтересовался он.

Тот же стеснительный хохоток:

¹ Да, конечно, мадам (фр.).

‘I’m being dreadfully lazy. I really must set to. My public is getting terribly impatient — and my publisher, poor man! Appeals by every post! Even cables!’

Again he felt the girl shift in the darkness.

‘I don’t mind telling you, Monsieur Poirot, I am partly here for local colour. *Snow on the Desert’s Face* — that is the title of my new book. Powerful — suggestive. Snow — on the desert — melted in the first flaming breath of passion.’

Rosalie got up, muttering something, and moved away down into the dark garden.

‘One must be strong,’ went on Mrs Otterbourne, wagging the turban emphatically. ‘Strong meat — that is what my books are. Libraries may ban them — no matter! I speak the truth. Sex — ah! Monsieur Poirot — why is everyone so afraid of sex? The pivot of the universe! You have read my books?’

‘Alas, Madame! You comprehend, I do not read many novels. My work—’

Mrs Otterbourne said firmly:

‘I must give you a copy of *Under the Fig Tree*. I think you will find it significant. It is outspoken — but it is *real!*’

‘That is most kind of you, Madame. I will read it with pleasure.’

Mrs Otterbourne was silent a minute or two. She fidgeted with a long chain of beads that was wound twice round her neck. She looked swiftly from side to side.